

Ренегаты

Автор:

Сергей Волков

Ренегаты

Сергей Юрьевич Волков

Пограничье #4

Бывший контрабандист по прозвищу Гонец и его «коллега» Костыль неожиданно для себя оказались хранителями образца уникального оружия, переправленного с Земли неизвестному адресату и категорически запрещенного в Центруме.

Но кому предназначалось оружие? Какая сила, доселе неизвестная, готова вступить в борьбу за власть над Центрумом? И какую роль в новом раунде Большой игры предстоит сыграть заброшенному в Центрум художнику Олегу Сотникову?..

Сергей Волков

Ренегаты

Автор идеи С. Лукьяненко

© С. Лукьяненко, 2014

© С. Волков, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Пролог

На флагштоке у дозорной башни 42-й заставы колыхался черно-белый карантинный флаг. Это означало, что среди кочевников, пасущих стада байвалов у границ Сухих пустошей, снова были отмечены случаи холеры.

Боб и Кречет покинули заставу на рассвете, и дежурный, сержант Жора Гриценко, закрыл за ними громыхающую воротину из профнастила.

– Ох, ох, что ж я маленьким не сдох, – проворчал Кречет, закидывая АКМ за спину.

Боб улыбнулся – напарник всегда начинал патрулирование с этого присловья, это был своеобразный ритуал, как и камень, который надлежало положить на могилу Спенсера.

Солнце мутным оранжевым пятном висело над горбатыми холмами. На размазанных по небу «кошачьих хвостах» еще были заметны розовые отблески зари.

– Ветер будет, – сказал Боб.

– Это на Земле цирусы радианусы к смене погоды, – удивил его познаниями в аэрологии Кречет. – А здесь это просто облака. Камень нашел?

Боб заозирался в поисках какого-нибудь булыжника. На 42-й заставе уже несколько лет бытовал обычай – перед патрулированием погранцы делали небольшой крюк к Одинокому холму и клали на могилу контра по имени Спенсер камень. Как говаривал заместитель начальника заставы капитан Мамай: «Чтобы не вылез».

Спенсер умер нехорошо. До своей кончины он считался одним из самых фартовых контрабандистов во всем Южном Сургане, носил неофициальное звание Короля Пустошей и не раз оставлял пограничников с носом.

Поговаривали, что это именно он изобрел схему с гонцами, когда вышедшие из Портала контрабандисты делились на две группы. Одна, та, что с товаром, пряталась в схроне или каком-то укромном месте, а вторая выполняла отвлекающий маневр, уводя преследователей в сторону, и в последний момент уходила обратно на Землю. Тем временем к первой группе высылался гонец – мобильные телефоны в Центруме жили не долго, начиная «течь» через пару-тройку часов, вышек не было, да и с радиосвязью имелись большие затруднения. Передать сообщение на расстояние свыше трех десятков километров было весьма проблемно, и в дело вступали гонцы. Они сообщали коллегам с товаром, что путь свободен, и те делали свое черное дело.

Но сколь веревочке ни виться – все равно конец придет. Спенсер попался по-глупому – вышел из Портала прямо на усиленный патруль. Куда он ходил, в какой из миров, так и осталось загадкой; говорить Король Пустошей уже не мог и только шипел и плевался. Тело его крутили судороги, кожа посинела, кулаки были сжаты с такой силой, что ногти прободили кожу на ладонях, и пальцы покрывала запекшаяся кровь.

Патруль дотащил Спенсера до заставы, получил нагоняй все от того же Мамай, который быстренько организовал изолятор и велел всем молиться, чтобы зараза, убивавшая Спенсера, не перекинулась на остальных.

Начальник заставы майор Филимонов в тот момент был в командировке и вернулся через несколько дней. Он застал на 42-й всеобщие разброд и шатание: личный состав был бледен, немного пьян и дико напуган.

Мамай, человек бывалый, циничный – и в общем-то большая сволочь, – заикаясь, доложил командиру, что известный контрабандист Король Пустошей Спенсер умер два дня назад от неизвестной болезни в переоборудованном под изолятор хозблоке, а когда его закопали у Одинокого холма, вылез из могилы и пришел ночью на заставу.

– На ч-четвереньках, как с-собака, – пояснил Мамай.

Филимонов, понятное дело, решил, что в его отсутствие пограничники перепились настоящей на дурь-траве самогонки, страшно разорался, пообещал законопатить всех на губу на месяц, сорвал с Мамаея нашивки и тряс у его носа пистолетом.

Тогда Мамай дрожащими руками открыл дверь хозблока, и начальник заставы увидел то, что раньше было Спенсером, – покрытое пылью и грязью существо, скребущее пальцами землю. Сквозь спутанные волосы на Филимонова взглянули синие глаза без зрачков. Пистолет у командира 42-й заставы был хороший, «козырный», как говорили пограничники, – наградной двенадцатизарядный «зиг-зауэр». Поскольку он уже находился в руке, Филимонов не задумываясь высадил в Спенсера, вернее, в то, что было когда-то Спенсером, всю обойму.

Дергающееся тело замотали в брезент и снова зарыли у Одинокого холма, углубив могилу на два метра. На всякий случай на земляной холмик навалили валун величиной с двухкамерный холодильник и поставили рядом стационарный пост.

Спенсер вылезал еще дважды. Он успокоился только после того, как Мамай отрубил пожарным топором ему все конечности и голову. Филимонов под страхом смерти запретил своим погранцам рассказывать об этой истории, справедливо полагая, что первая же комиссия из Главного Штаба Пограничной Стражи отправит всех в долговременный карантин или вообще сожжет личный состав вместе с постройками – от греха.

Боб попал на заставу уже после этих веселых событий и первые две недели до посвящения никак не мог понять, зачем патрульные перед выходом в степь заходят к Одинокому холму и добавляют к высокой, выше человеческого роста, куче камней все новые и новые булыганы.

– О, нашел! – обрадовался Боб, углядев за кустиками бесцветника плоский окатыш.

– И мне там пошукай чего-нибудь, – буркнул Кречет. – Нога болит по кустам скакать.

Если у Кречета было плохое настроение, то у него обязательно болела нога, рука, спина или еще что-нибудь. А поскольку плохое настроение случалось с

напарником Боба чаще, чем холера у кочевников, Кречет все время жаловался на здоровье. Здоровым он становился только в экстремальных ситуациях и тут уж давал стране угля, мелкого в силу худощавого телосложения, но много по причине взрывного темперамента.

К могиле подошли спустя полчаса.

– Спи спокойно, Спенсер, хоть ты и сука! – торжественно сказал Кречет и бросил свой камень. – Чтоб ты больше никогда не вылез.

Боб последовал его примеру и покосился на ряд глинистых холмиков справа. Там были похоронены неизвестные по большей части контрабандисты, оказавшие сопротивление патрулю. Возможно, не все эти люди на самом деле были преступниками, но законы Пограничья не делали различий между теми, кто тащил товар через пустоши, и теми, кто просто не выполнил требования патруля и вовремя не поднял руки.

Своих мертвецов 42-я застава хоронила за забором, у Трех камней. Там тоже набралось с десятков крестов и самодельных обелисков, украшенных корявыми эпитафиями, высеченными в ноздреватом песчанике: «Спи спокойно, брат, мы отомстили за тебя».

– Ну, пошли, что ли, – сказал Кречет и первым зашагал вверх по склону. Под подошвами его коротких пыльных сапог скрипел щебень. Боб поправил карабин и двинулся следом. В такт шагам во фляге побулькивала вода.

– Достал ты уже с этим бульканьем, – беззлобно сообщил Бобу Кречет минут пять спустя.

Боб не ответил. Для него отхлебнуть перед выходом глоток из наполненной фляги было личным, секретным ритуалом, о котором он никому не рассказывал.

Когда Одинокий холм скрылся из виду, Кречет остановился и достал бинокль. Патруль подошел к первой «контрольке» – месту, где была высока вероятность открытия Порталов с Земли. Всего таких «контролек» на маршруте было пять: здесь, у Мертвого ручья, потом в Длинной балке, далее – у Оградок, на Глине и у Козьего брода.

Приложив старенький «Фотон» производства Казанского оптико-механического завода к глазам, Кречет несколько минут обозревал окрестности, потом сплюнул в сторону и бросил:

– Чисто. Айда полосы глянем – и дальше.

Контрольно-следовыми полосами пограничники ограждали зоны, в которых открывались Порталы. Програбленная земля в безводных пустошах хорошо сохраняла следы, и опытный глаз мог без труда определить, кто здесь прошел, когда и каким составом.

Рутинная работа патрульного всегда настраивала Боба на философский лад. Шагая в пяти шагах справа сзади от Кречета, он из-под козырька выцветшего уже кепи оглядывал чуть подрагивающие в мареве разгорающегося дня пологие спины холмов, похожие на горбы ушедших в землю верблюдов, гонял во рту вязкую слюну и думал, что жизнь любого человека, где бы он ни жил и чем бы ни занимался, похожа на патрульный рейд от «контрольки» до «контрольки». Роддом – детсад – школа – институт – это если в башке сало есть, а дальше: работа – пенсия – и холмик с обелиском и эпитафией: «Спи спокойно, брат...»

Длинная балка тоже не преподнесла никаких сюрпризов. Солнце поднялось к зениту. Стало жарко, со стороны далеких Ржавых болот потянул душный, противный ветерок. Кусты бесцветника и ломачи затрепетали, сухая трава прилегла к земле.

– Я же говорил – ветер будет, – сказал Боб.

– Обед, – невпопад отозвался Кречет и скинул рюкзак на камни у выхода из балки. – Десять минут.

Боб усмехнулся про себя. Кречет попал в пограничники прямо из армии, где возглавлял отдельный взвод охраны, и вытравить из него привычку командовать было так же невозможно, как сточить вручную заводской номер с АКМ.

Разложив немудреную снедь на относительно чистой тряпице, Боб вскрыл штык-ножом две банки тушеной свинины, протянул одну Кречету.

- Ну, дай Бог, чтоб без ботулизма, - вздохнул напарник и застучал ложкой.

Ботулизм был проклятием 42-й заставы. Обычные земные консервы в жарком климате Южного Сургана портились быстро, свежак подвозили редко, а чтобы хорошенько прогреть тушенку, нужно было тащить на себе приличный запас дров - в пустошах костер развести было не из чего. Филимонов ругался, стращал патрульных суровыми наказаниями, но в итоге смирился с тем, что раз в месяц кто-нибудь из его бойцов валялся в изоляторе, мучаясь животом.

Слово «мучаясь» вообще очень точно характеризовало все, что было связано с 42-й заставой.

- Добро пожаловать в ад, - с мрачной гордостью приветствовали новичков старожилы, а во время обязательного посвящения, когда неопит жрал песок с пустошей и запивал его спиртом, орали хором:

- Пей до дна, чтоб не кровь!

При этом 42-я застава, расположенная на самой границе Сургана, между Ржавыми болотами и Сухой пустошью, имела в Штабе Пограничной Стражи репутацию «заставы, на которой никогда ничего не случается». В самом деле, за исключением истории со Спенсером тут не происходило ничего примечательного - ни прорывов кочевников, ни нападений бандитов, ни попыток проноса крупных партий нелегального товара.

И тем не менее на 42-й была самая высокая смертность и одни из самых тяжелых условий службы во всем Пограничном корпусе. Неудивительно, что большинство людей попадали сюда не по своей воле. Это было место для «залетчиков», штрафников и новичков, только начинающих тянуть пограничную лямку. Считалось, что стажер, прошедший 42-ю, мог претендовать на лычки сержанта и нормальную, спокойную службу где-нибудь в Цаде или Клондале.

- Ну все, пошли. - Кречет сунул опустевшую банку под клапан рюкзака, дожевал галету и поднялся. - После Глины еще перекусим.

Боб отхлебнул из фляги и тоже убрал свою банку в рюкзак. На заставе из них мастерили пепельницы, дымокурки против москитов, налетавших по осени, масляные лампы и прочие необходимые в хозяйстве штуки, и поэтому

патрульные всегда приносили опустевшие жестянки из рейда обратно.

Повернув у Оградок, местного Стоунхенджа, где неведомые предки нынешних обитателей Центрума вертикально взгромоздили на вершине расползшегося холма два десятка каменных глыб, патрульные двинулись через ровную как стол пустошь к Глине. Так называлась долина высохшей черт-те знает когда безымянной реки. Глинистое дно ее растрескалось – Боб припомнил, что в Средней Азии подобные места именуются «такыр», – вот и получилась Глина. Ходить по кофейного цвета многогранникам с завернувшимися краями было удобно, если бы не одно «но» – под подошвами сапог они крошились, превращаясь даже не в пыль, а в какой-то коричневый порошок. В ветреный, вот как сегодня, день этот порошок лез всюду, мешая дышать и раздражая слизистую глаз.

Не доходя до Глины метров двести, Кречет достал из кармана серый платок и замотал лицо. Боб воспользовался одноразовой медицинской маской, когда-то бывшей нежно-зеленого цвета, а ныне грязной, как портянка. Маска плохо защищала от пыли, но выбирать не приходилось – свой шикарный платок-арафатку Боб вчера проиграл в блэкджек каптеру Вьюну, хитрому малому с масляными глазками профессионального барыги.

– Хоть бы мужики сегодня байвала подстрелили, – мечтательно прошамкал из-под платка Кречет. – Мяска свеженького охота. Убоинки...

– То-н-н-н-н! – раскатилось над долиной мертвой реки. Звук был сильным, мощным и лился, казалось, отовсюду, словно звучало само небо.

– Это чё такое? – растерянно спросил Боб, испуганно озираясь по сторонам.

– Ложись! – зашипел Кречет, сдергивая с себя автомат. – Быстрее!

Рухнув в пыль рядом с напарником, Боб стянул с лица маску – все одно толку от нее никакого – и прохрипел:

– Да чё происходит-то?

– Ангелы небесные идут, – непонятно и очень зло ответил Кречет и почему-то посмотрел вверх. Автомат он даже не снял с предохранителя.

– Ангелы?

– Молчи и не шевелись.

Боб послушно замер, он уже давно понял, что в пустошах вот такое автоматическое послушание в большинстве случаев может спасти тебе жизнь.

Какое-то время ничего не происходило. Тихо подвывал ветерок среди камней. Потом из-за бугра, когда-то бывшего берегом реки, выбежала шестиногая ящерица. Она наткнулась на людей, в панике вздыбила на спине желтые чешуйки и бросилась на тощих лапах прочь через такыр, оставляя за собой пыльный шлейф, быстро размываемый ветром.

– Вот он, гад... – прошептал Кречет. Он добавил еще что-то, но слова утонули в новых звуках, раскатившихся окрест.

Это была, без сомнения, музыка, но музыка дьявольская, жуткая. Боб подумал, что так должен звучать орган, по клавишам которого скачут черти.

В полуденном небе над их головами вспыхнула звезда – и начала медленно опускаться. Боб почувствовал, как у него вспотели ладони. Он не был бесстрашным героем и вообще подозревал, что таких людей не бывает. Во время службы в армии, во время кратких скитаний по Центруму, куда его занесло случайно, во время учебы в Пограничной школе, и тут, на 42-й заставе во время стажировки, ему не раз приходилось сталкиваться с опасностью, однако страх, возникающий в человеке, лежащем под пулями контрабандистов, – это обычный, простой страх, который легко объяснить и с которым можно справиться.

Сейчас же Боба охватил настоящий ужас. Он перестал контролировать себя, понимать, где находится. Хотелось только одного – стать крохотным, незаметным, забиться в какую-нибудь щель...

Сияющая звезда опускалась все ниже и ниже. Сатанинский хорал гремел над мертвой рекой. Собрав остатки воли, Боб сжал исцарапанное цевье карабина,

пальцы ухватились за теплую шишечку затвора.

– Не дури! – зарычал Кречет, пригибая ствол к земле. – Он, падла, молниями хреначит на километр! Лежи! Не смотри туда! Не смотри, сука, убью!!!

Боб уткнулся носом в кофейную пыль, вдохнул, закашлялся, открыл рот, как рыба, выброшенная на берег. В горле сразу же запершило, он попытался сплюнуть, задохнулся и, повернув голову, все же бросил взгляд на русло реки.

Там, примерно в трехстах метрах от того места, где лежали они с Кречетом, в воздухе висело нестерпимое сияние, словно зажглось второе солнце. Орган звучал непрерывно; казалось, что трубный глас взметает пыль, пригибает к земле кусты.

А еще Боб заметил странный призрачный ореол метров десяти в диаметре, вдруг возникший прямо под сиянием, и человеческую фигурку, пытающуюся подняться на ноги. Человек был гол, его шатало.

– Опусть глаза, баран! – взвыл сквозь зубы Кречет.

Боб отвернулся.

Так они пролежали не меньше десяти минут, после чего звуки небесного органа начали удаляться, однако Кречет зашевелился и встал на ноги только после того, как все окончательно стихло.

– Что это... было? – прошептал Боб, попытался подняться, но не смог с первого раза – ногу свело судорогой. Наконец кое-как он выпрямился и встал рядом с напарником.

– Да хрен его знает, – мрачно буркнул Кречет. – Пацаны с заставы прозвали эту дрянь «Поющим Призраком». Она редко бывает, я второй раз всего вижу.

Кречет помолчал, посмотрел исподлобья на Боба и вдруг резко выбросил сжатую в кулак руку. Боб получил удар в челюсть, попятился и сел.

– Сам знаешь, за что, – буркнул Кречет, предвосхищая вопрос. – Еще раз не выполнишь приказ, скажу Мамаю, чтобы снял тебя с патруля. Будешь вечным дежурным.

– Я там человека видел... – как бы оправдываясь, сказал Боб. – Голого.

– Забудь, – отрезал Кречет. – Это пустоши. Это Центрум. Делай то, что должен, и... и все. Понял?

Боб кивнул, закинул карабин на плечо и пошел за напарником, спускавшимся в речную долину.

Часть первая

Гонец

Глава первая

Вообще-то путей в Центрум много. Наверное, миллионы, а может быть, и миллиарды. Слышал я от одного контра, что, в сущности, каждый человек, каждый землянин – потенциальный проводник и способен открыть Портал. Вранье, наверное, хотя я вот до тридцати лет жил себе спокойно, поживал, ни о каком Центруме понятия не имел и о том, что я проводник, – тоже.

Про «жил спокойно» – это для красного словца, помотало меня на самом деле, как «КамАЗ» по ухабам. Как там у Трофима? «Друзья мои в начальниках, а мне не повезло. Который год скитаюсь с автоматом», но это не суть. Главное – однажды я открыл Портал и оказался здесь. Чуть с ума не сошел вначале, еле выбрался, а потом уже пошло-поехало...

Говорят, раньше, лет двадцать назад, пограницы лютовали по-взрослому. Чуть чего – хлоп в лоб, и тапки в угол. Теперь некогда грозное и неприступное

Пограничье стало похоже на сито-решето – «заходи, кто хочешь, бери, что хочешь». Правда, желающих в последнее время сильно поубавилось, и дело тут вовсе не в мифических минных полях, замаскированных системах слежения, датчиках движения и безжалостных патрулях, палящих во все живое. Как любит говорить Жора Полторыпятки, «дурнив нема». Нема – в том смысле, что «не осталось».

Полторыпятки – мой первый и единственный напарник. Пока ему не отстрелили полстопы, мы ходили в Центрум вдвоем, таская товар и переправляя людей. Теперь Жорка – мой агент. Он находит клиента, получает заказ, подписывает контракт и берет деньги, которые мы делим пятьдесят на пятьдесят. Я выполняю всю остальную работу. Это честно. На самом деле в бизнесе я ни хрена не понимаю, зато умею ходить туда, куда другие не пойдут никогда.

На моей памяти Центрум навечно успокоил столько любителей пожить на дармовщину, столько романтиков с учеными степенями, столько лихих парней, не боявшихся ни бога, ни черта, что хватило бы, чтобы укомплектовать целую пехотную дивизию. Он принял их, закружил, заморочил – и схарчил, не оставив даже костей.

И, похоже, удовлетворенный этой жертвенной гекатомбой, успокоился. Канули в Лету грандиозные битвы с аборигенами, жестокие войны контры за сферы влияния, остались в прошлом, стали легендами походы в чужие миры, бешеные заработки, дерзкие рейды к городам под носом у погранцов, прорывы орд кочевников и масштабные военные операции.

Как сказал один из наших недавних заказчиков, профессор в погонах по фамилии Кноп: «Похоже, тут наступил “статус кво”».

Центрум действительно притих, но зуб даю – это затишье перед бурей. Сидят в мрачных оннельских лесах люди Старца, ведут свою неприметную войну с Клондалом джавальские бандиты, гоняют по ржавым рельсам поезда железнодорожники, звенит сталью Сурган, поют на заре гимны давно забытым богам в Цаде, поднимаются на высокие башни и читают будущее по звездам в Лорее, пасут землю и пасут скот аламейцы, а в далеком Краймаре вечерами в трактирах финансовые воротилы подсчитывают барыши. Погранцы – и те увеличились числом.

Впрочем, это как раз странно – одиночек, упорно пытающихся выцедить из Центрума безбедную старость, сильно поубавилось, гонять, крышевать и обирать некого, а на профи вроде нас с Полторыпятки где сядешь, там и слезешь.

...Я открываю Портал еще до рассвета. Проводник я так себе, банальный мануальщик. «Третий сорт – не брак», как говорили во времена моего детства в стране, которой больше нет. Портал у меня нестабильный, маленький, проходить через него приходится на карачках. Пару раз было, что он схлопывался, и меня выкидывало обратно. Неприятное это, скажу вам откровенно, ощущение – лететь вверх ногами на асфальт. Но в этот раз все проходит гладко. В нос бьет сухой, горячий воздух пустошей. Ну «вот я и в Хопре...».

Теперь нужно двигаться максимально быстро. Я могу открыть Портал только в одно место Центрума, на краю Сухих пустошей. Когда-то тут был поселок или город, но теперь все засыпано песком, и ветер свистит среди мертвых руин.

Избегая улиц, на которых можно нарваться на патрули, задами выбираюсь к барханам, пересекаю низинку и меняю направление. Вот и граница поселка. Каменные столбы, опутанные отполированной песком проволокой, покосились, от дозорных башен остались похожие на гнилые зубы остовы, с которых свисают обрывки проводов. Все вокруг заросло пустынником, бесцветником и местной разновидностью саксаула. Как эти растения существуют в здешнем безводном климате, мне непонятно, но год от года заросли все гуще и гуще.

У края заброшенной дороги торчит гранитный валун, покрытый буро-зеленым лишайником. Это – мой ориентир, «путеводный камень». Определяюсь с направлением, встаю спиной к валуну лицом на север и иду строго по азимуту к холмам. Продравшись через густой саксаульник, выхожу прямо к ложбинке между холмами. Тут можно уже не прятаться – погранцы сюда не заходят, больно глухое место. Сажусь на сухую землю, проверяю, хорошо ли затянуты шнурки на кроссовках, надежно ли закрыты клапаны рюкзака. Вроде все в порядке. Теперь обязательный ритуал – десяток слов, которые нужно сказать, а иначе мазы не будет:

– Здравствуй, Центрум-батюшка. Не сердись, я ненадолго. Только до Ржавых болот – и обратно.

Привычка разговаривать вслух, когда я на маршруте, – от нее уже никуда не денешься. Конечно, я не столько говорю, сколько шепчу, бормочу под нос – шуметь на пустошах вредно для здоровья. Но идти молчком тоже невыносимо. Одиночество угнетает, одиночество порождает страх, а страх – это прямой путь к панике, к суетливости и в конечном итоге – к смерти.

Прохожу мимо вросшего в землю остова паровой машины. Эту железяку я знаю хорошо, она стоит тут столько, сколько я хожу в Центр, и наверняка стояла до этого еще лет сто. Собственно, от некогда огромного механизма остался только пробитый во многих местах котел, кривая труба и похожие на лапы чугунного кузнечика шатуны. Все остальное кто-то зачем-то растащил – то ли на металлолом, то ли для неких неизвестных мне нужд.

Выхожу на заросший травой-ломакой холмик. Тусклое солнце поднимается на востоке, разбросав повсюду сиреневые тени. Впереди лежит широкая долина, далеко слева горбятся лысые холмы. У их подножия вьется незаметная отсюда тропа – там проходит патрульный маршрут пограничников. Туда мне не нужно ни под каким видом.

Справа тоже видны холмы, утонувшие в сизой дымке. Травы и кустов там мало, зато в избытке камней, торчащих из песка и сухой глины, словно взошедшие зубы дракона из старого мультика. Мой путь – как раз мимо этих зубов, на север.

Пустоши давно заброшены, и природа постепенно берет свое, отвоевывая у людей то, что когда-то принадлежало им безраздельно. Пахотные земли, дороги, поселения – все заносит равнодушный песок, а корни вездесущего пустычника дробят даже самый крепкий камень. Среди этой неприхотливой травы копошатся какие-то мелкие грызуны, в глинистых низинах я видел змей, ящериц и даже ежей, удивительно похожих на своих земных собратьев. Забавно – а вдруг звери тоже умеют открывать Порталы и путешествуют между мирами?

Улыбаюсь на ходу, но бдительности не теряю. Расслабляться нельзя. Вон высоко в небе кружат две птицы, стервятники. Они всегда сопровождают людей, зная, что где двуногие – там смерть, а где смерть, там есть чем поживиться.

Скорее всего за холмами идут погранцы, патруль. Надо поспешать, ни к чему им знать о моей секретной тропе. Неожиданно вижу над колючими головками

пустынника пеструю бабочку из детства, кажется, такая зовется павлиний глаз. Бабочка – в Центруме! Ну не чудо ли?

Размышляя таким образом, наискосок пересекаю долину, обходя кусты и песчаные гривки. Чувствую – размяк, расслабился. Не жарко, дышится легко. Пустоши сегодня добрые. Вроде бы...

Или я добрый? Это, похоже, бабочка меня доконала. Нельзя в таком расположении духа на маршруте быть. Нельзя, но очень хочется, потому что наш постоянный контровский напряг – он реально давит. И каждый раз, возвращаясь с маршрута, приходится растворять напряг в нем. Ну, в этом, который ОН. Ну, С

Н

ОН. Спирт этиловый, ректифицированный, питьевой «Экстра». Полторыпятки такой ликер «Шасси» из него и вишневого варенья делает – амброзия просто. Потом, правда, два дня отходишь, но зато напряга как не бывало.

Задумавшись, пропускаю момент, когда настроение пустошей меняется. На солнце наползает длинное серое облако, стрекот кузнечиков в зарослях саксаулов стихает. В лицо бьет ветер, острый, как бритва, даль заплывает мерзковатой кисельной пеленой. Останавливаюсь. Сердце сжимается от неожиданно нахлынувшего предчувствия беды.

– Все, Гонец, курорт закончился...

И тут до меня доносится жуткий протяжный вой...

Руки сами собой выполняют привычные действия – «сучок» на грудь, флажок предохранителя вниз. Передергиваю затвор и, пригнувшись, боком, по-крабьи, добираюсь до растрескавшихся камней на склоне холма. Какое-никакое, а укрытие.

В трех десятках метров впереди внизу – что-то вроде оазиса. Там протекает говорливый ручеек, берущий начало в холмах. Вода чистая, можно чайку попить, если время есть. Но мне сейчас, понятное дело, не до чаепитий.

Штук двадцать низкорослых сосен с искуроченными стволами похожи на кости огромных животных, воткнутых в землю и обросших ветками. Ветки покрыты пылью и кажутся седыми. Считается, что сосна – романтический символ. Не знаю, не знаю... По мне, так весьма неприятное, кладбищенское дерево.

Вой больше не повторяется. Что за твари шарятся в оазисе? На окраинах Сухих пустошей давно не видели крупных хищников, но, похоже, спокойные времена закончились.

Выждав минут пять, двигаюсь вниз по склону, держа автомат наготове. АКС-74У, то бишь «автомат Калашникова складной укороченный образца 1974 года», оружие простое и надежное, не раз выручал меня в подобных случаях. Конечно, он не сравнится по точности и дальности стрельбы не то что с каким-нибудь навороченным FN-2000, но даже и со своим прародителем АКС-74, но семьсот выстрелов в минуту плюс высокая кучность на малых дистанциях спасали меня в трудных ситуациях, а большего и не требуется. «Сучок», как называют АКС-74У наши военные, – оружие неприятзательное, надежное, легкое и компактное. Как раз то, что нужно гонцу на пустошах.

В рощице слышится треск веток. Бормочу:

– Мама дорогая, куда ж я лезу-то? – и продолжаю движение.

Беда в том, что просто свалить по-тихому я не могу. Чтобы обойти рощу, мне придется выйти на открытое место, и там я буду как на ладони. Если в роще стая саблезубых псов или парочка местных гепардов, больше, правда, похожих на гигантских кошек-сфинксов, мы зовем их пардусами, они догонят меня и порвут на ленточки. А среди деревьев шансов гораздо больше – хищникам будет трудно маневрировать. Кроме того, я крепко надеюсь, что зверь в роще один и это не гепард, не, упаси господи, пустошный лев или бешеный байвал, а банальный старый и больной саблезубый пес, забредший сюда умирать.

Интуиция для контра – второй разум. Без хорошей «чуйки» в Центруме не выжить. Так вот, моя «чуйка» подсказывает – надо идти вперед, в рощу, все будет нормально. Не хорошо, хорошо на пустошах не бывает, но – нормально. Этого вполне достаточно.

Стараясь не поскользнуться на песчаном склоне, мелкими шажками спускаюсь к ручью. Снова слышится треск веток, недовольное ворчание, переходящее в рык. Порыв ветра качает верхушки сосен, свистит среди пыльной хвои. И вдруг впереди между серыми стволами проносится какая-то горбатая тень.

Палец елозит по спусковому крючку, но я не стреляю – слишком далеко. Так и не опознанная мною тварь проламывается сквозь подлесок и удаляется вверх по склону. Вскоре шум стихает, и наступает тишина.

Уф-ф, пронесло.

– Это она мой запах учуяла, – сообщаю я пустошам, спускаясь к ручью. – Ветер, собака, направление переменял – вот и...

Осекаюсь на полуслове. Чуть выше по течению между ветками темнеет какое-то пятно. Секунду спустя понимаю какое.

Труп. Тело. Покойник. Мертвец. И сразу становится ясно, как тут очутился зверь. Его привлек запах гниющей, разлагающейся плоти. Говорят, те же саблезубые псы чуют мертвечину за многие километры. Пованивает и в самом деле сильно; похоже, труп обосновался тут уже давно. На всякий случай озираюсь, прислушиваюсь – вроде тихо.

Раздвигая коротким столом ветки, подхожу ближе. Покойник лежит лицом вниз, практически в воде. Правая рука вытянута вперед. Посиневшие пальцы сжали мокрый корень. Воняет просто невыносимо – я натягиваю на лицо шейный платок, подхожу ближе.

От сладковатого запаха смерти начинает подташнивать. Не смертельно, но неприятно. Прежде чем осмотреть труп, прохожу вверх по ручью, вглядываясь в поросшие повядшей осокой берега. В одном месте на небольшом глинистом плесике вижу оплывший отпечаток рубчатой подошвы. Я никудышный следопыт, куда мне до Полторыпятки или, скажем, Шептуна, но тут все яснее ясного – погибший пришел с северо-востока, со стороны холмов. Он спустился в ложбину, возможно, попил воды, отдохнул вот тут, у упавшей сосны, переобулся, подлечился – в траве валяются грязная портянка и использованная бумажная упаковка от стерильного бинта, – потом встал, сделал пять-шесть шагов...

И умер.

От чего, почему? Это в общем-то не мое дело. Совсем не мое. Но из уважения к чужой смерти – и своей жизни – я возвращаюсь к покойнику, чтобы осмотреть его. На парне очень грязный и поношенный городской камуфляж и армейская разгрузка. Но рюкзак гражданский, дешевое китайское барахло, такими пользуются многие новички. И ботинки тоже обычные, кожаные туристические башмаки, жесткие и неудобные.

Почему этот парень так странно экипирован? Боюсь, этот вопрос останется без ответа, как и множество других.

По грязному рукаву мертвеца ползет улитка. На всякий случай оглядевшись, опускаюсь рядом с трупом на корточки и начинаю расстегивать клапан рюкзака. Я не мародер, но бросить добро рука не поднимается. Так, что тут у нас? Сверху лежит серый свитер крупной вязки, под ним пушистые шерстяные носки, брезентовый мешочек...

Вязкая, пузырящаяся масса ползет наружу, в нос бьет резкий химический запах, перебивающий трупную вонь. Я отскакиваю от мертвеца, вытираю руку о траву, ворчу:

– Вот дурень-то!

Теперь кое-что проясняется. Новичок-контра, чей хладный труп лежит сейчас передо мной, припер с Земли на собственном горбу какую-то запрещенную в Центруме дрянь. Припер прямо так, без защитного контейнера. Она, эта дрянь, его и убила. Любая пластмасса в местном воздухе разлагается быстро, и некоторые ее виды выделяют при этом ядовитые вещества. Парень нес свою смерть за плечами, и вот печальный итог – мemento мори. Не в смысле «помни о смерти», а в смысле – «моментально в морг».

Само собой, лезть второй раз в рюкзак к этому недотепе я не собираюсь. Хоронить его времени нет, у меня график. На всякий случай запоминаю место, чтобы на обратном пути постараться обойти стороной, и решительно перешагиваю ручей. Мне пора двигаться дальше, до точки назначения еще топтать и топтать. Хватит загадок, время не ждет. Спи спокойно, брат контра, хоть ты и дурак. Мне пора.

Почему-то считается, что быть контрабандистом – это увлекательно и романтично.

В океане пути не находят суда.

Затянулись дождем Пиренеи и Анды.

Нам такая собачья погода

Подходит как никогда.

Мы везем контрабанду.

Мы везем контрабанду...

А на деле вся эта романтика – вон она, лежит в крохотном оазисе посередь Сухих пустошей мордой в ручей и воняет.

Наверху стягиваю платок, с наслаждением вдыхаю свежий воздух. Трупный смрад еще долго будет преследовать меня, но это мелочи, на которые в Центруме не обращаешь внимания.

Снова вижу бабочку – павлиний глаз беззаботно порхает в паре шагов от меня, садится на ветку сосны, складывает крылья. И я неожиданно ловлю себя на том, что очень хочу прихлопнуть бабочку, смять, раздавить ее радужные крылья...

* * *

Холмы высятся справа, словно спины исполинских животных, вросших в землю. Шло куда-то стадо бурых верблюдов да завязло в грунте – одни горбы наружу торчат, трава-шерсть колыхается на ветру.

Солнце поднялось выше, припекает. Становится жарковато. Сейчас бы стянуть комбез, позагорать, раскинувшись на песочке, но... пустоши есть пустоши. Они хитры, коварны и непредсказуемы. И наносят удар именно тогда, когда человек этого не ждет. Поэтому здесь всегда нужно вести себя от противного. Делать не то, что хочется, а то, чего не хочется ни в коем случае. Ну или если коротко – расслабляться на пустошах категорически нельзя. Вредно для здоровья. Впрочем, я напоминаю себе об этом уже в десятый, кажется, раз.

Это все, конечно, в теории. А на практике человек не может все время быть сжатым, как пружина. Не получается. Мы все верим в лучшее, всегда и везде. Даже пробираясь через Ржавые болота, даже угодив на опушку Поющего леса. И поэтому гибнем. Безымянные могилы контры, разбросанные по всему Центруму, – это не просто памятники тем, кто упокоился в здешней земле, это еще и напоминание живым: «И мы были как вы, и вы будете как мы. Не расслабляйтесь, ребята».

Однако выбил меня из колеи этот труп в ручье. Философия всякая в голову лезет. Да еще запах... Я вроде далеко отошел от мрачноватой рожицы, а все равно ощущаю сладковато-приторный запах. Говорят, что человек способен распознавать около тысячи различных ароматов на расстоянии до полутора километров, а вот волк чует до ста тысяч оттенков запахов и может почувствовать их за пятнадцать километров. Еще говорят, что саблезубые псы – потомки земных волков, у которых все изначальные волчьи способности стали еще более развитыми. Трупная вонь для них – это запах добычи.

Есть такая народная мудрость – не звать беду по имени. Я в своих походных размышлениях вслух ею пренебрегаю и спохватываюсь слишком поздно.

В седловине между холмами колышутся высокие соцветия бесцветника, мотаются туда-сюда под усилившимся ветром, и вдруг из зарослей наперерез мне на пустошь выносится поджарое серо-бурое тело. Прижатые уши, оскаленная пасть с длинными клыками, маленькие сверкающие глазки, полные яростной злобы, – саблезубый пес, коротко взрыкивая, проносится в нескольких шагах от меня и разворачивается для атаки.

Автомат уже в руках. Откидываю приклад, веду ствол следом за мечущимся зверем. Бить эту тварь надо издали, не менее чем с десяти шагов. Если пес успевает прыгнуть, человеку редко удастся увернуться, а клыки у зверя – как кинжалы, и атакует он всегда, как пишут в протоколах осмотра места убийства, «в область лица и шеи». Я видел нескольких людей, лица которых исполосованы жуткими шрамами, с ними не под силу справиться ни одному пластическому хирургу. Острые клыки псов срезают кожу, мясо и мышцы не хуже скальпеля, оставляя голую кость, а токсины и трупный яд, содержащиеся в слюне, отравляют весь организм и очень долго не дают ране зажить.

Стараясь не упустить зверя из виду, быстро оглядываюсь. Саблезубые псы обычно охотятся стаями, на худой конец – парами, это всем известно. Раньше они нападали по очереди – сперва самка, потом самец, который как бы уступал подруге право первой крови. Но двуногие прямоходящие на пустошах быстро дали зверью понять, что поодиночке их бить легче, и в последнее время псы начали применять новую тактику – теперь они атакуют жертву одновременно с двух сторон. Полторыпятки утверждает, что эти твари прогрессируют, учатся, и недалек тот день, когда они поднимутся на задние лапы. Впрочем, после трех стаканов ликера «Шасси» можно задвинуть и не такое.

Второй пес появляется на выжженном склоне и по прямой несется ко мне, не тратя времени на закладывание ритуальных виражей. Быстро поворачиваюсь, приседаю на одно колено и жму на спуск. «Сучок» гавкает, летят, поблескивая на солнце, гильзы. Псина совершает прыжок в сторону, уходя с линии огня. Краем глаза замечаю, что первый зверь тоже бросается в атаку. Теперь уже мне нужно уйти из зоны возможного поражения. Отбегаю в сторону, даю короткую очередь. Первый пес взвизгивает – я попал, попал! Сквозь серую шерсть на боку проступает темное пятно. Но торжествовать рано – у этих существ пониженный болевой порог.

Закинув автомат за спину, изо всех сил бегу по длинной дуге к холмам. В голове возникает запоздалая мысль – надо было идти верхом. Там я, конечно, был бы на виду, но и опасность заметил бы издали.

Твари рычат за спиной, дробный топот лап приближается. Моя главная задача сейчас – свести их вместе, не дать им нападать с двух сторон.

Поворачиваюсь. Псы бегут бок о бок. Нас разделяет метров двадцать. Стреляю навскидку, автомат бьется в руках, ствол уводит вверх влево, и я ожидаемо промахиваюсь. Попадать из «калаша» без прицеливания – настоящее искусство, которым владеют немногие стрелки с реальным опытом боевых действий. Увы, я не вхожу в их число. То есть с опытом все нормально, а вот с попаданием... У меня неплохо получается поражать цели в спокойной обстановке, когда есть возможность задержать дыхание, выцелить, прочувствовать момент выстрела. А когда пульс зашкаливает за сто двадцать, «сучок» ходуном ходит в руках и глаза заливают пот, толку от меня немного. Пули уходят в молоко. Псы прыгают практически одновременно. Бросаюсь в сторону, слышу разочарованный вой и карабкаюсь по склону, свободной рукой хватаясь за жесткие стебли травы, но быстро понимаю, что так мне от зверья не уйти – они сильнее и проворнее.

Начинается смертельно опасная игра – я зигзагами бегу вдоль холмов, оборачиваюсь, стреляю и снова бегу. Псы преследуют меня, сокращая расстояние. Если описать положение фразой из какого-нибудь боевика, то я нахожусь «на волосок от гибели». Или даже ближе.

Еще одна остановка, очередь, бросок в сторону. Звери рычат совсем рядом, их мускулистые лапы взрывают песок. Отстегиваю рожок, переворачиваю – у меня, как и у многих контров, запасной примотан изолентой к основному, – вставляю, но передернуть затвор не успеваю. Раненная мною собака прыгает, я уклоняюсь, цепляюсь ногой за какую-то кочку и кубарем качусь вниз, вцепившись в автомат и крича не столько от боли, сколько от ужаса.

Темный зев пещеры открывается неожиданно. При ближайшем рассмотрении она оказывается искусственного происхождения. Эту чуть наклонную бетонную трубу проложили под холмами много десятилетий назад для того, чтобы талые и дождевые воды не скапливались с противоположной стороны холмистой гряды и на пахотных землях не возникло болото. Говорят, что когда-то, еще до катастрофы, отбросившей Центрум назад, на месте пустошей был благодатный край, густонаселенный и обеспечивавший зерном всю Аламею.

Саблезубые псы не любят подземелий, это всем известно. Все же батюшка Центрум благоволит ко мне. На четвереньках устремляюсь к трубе. Она почти наполовину занесена песком и глиной, но оставшегося пространства достаточно, чтобы туда мог протиснуться человек.

Как был на четвереньках, лезу в трубу. Свод покрыт липкой слизью. Руки и ноги вязнут во влажном грунте. Псы рычат совсем рядом. Поворачиваюсь на бок, вытягиваю из-под себя покрытый грязью автомат, направляю ствол на светлый полукруг входа. Будь у меня МР-5 или даже М-16, я бы трижды подумал, прежде чем пускать их в ход в таком состоянии. Но «калаш» тем и хорош, что с ним можно нырять хоть в грязевой вулкан – он будет стрелять.

Звери застыли напротив входа, злобно рыча. Ну, тут уж я не должен промахнуться. Ловлю в прорезь прицела тупую оскаленную морду...

Все же зверье, родившееся и выросшее на пустошах, намного сообразительнее своих земных собратьев. Как будто понимая, что являются сейчас прекрасными мишенями, и прежде чем я успеваю нажать на спусковой крючок, твари

бросаются в разные стороны и исчезают.

Откидываюсь на осклизлую бетонную стенку, бормочу:

- Боец, пять минут отдыха, можно курить...

Глава вторая

На Венальд легли сырые осенние сумерки. Часы на башне городской ратуши пробили девять раз. В окнах домов загорелись огни, на перекрестках улиц фонарщики в серых мантиях позвякивали бидончиками с маслом, проверяя, заправлены ли фонари.

Небольшой локомотив, устало отдуваясь и пыхтя, прокатил по Краймар-саттен и, заскрипев тормозами, осел на передние колеса у кованой ограды, отделяющей улицу от старинного парка.

В глубине, за деревьями, угадывался трехэтажный особняк с двумя башенками, выстроенный в неоимперском стиле. Ветер шелестел листвой и поворачивал на шпильях ажурные флюгера, изображавшие кузнеца с молотом и летящего филина.

Из локомотива вышли несколько человек. Один, высокий, в плаще-крылатке, прихрамывая, двинулся к воротам, за которыми вытянулись в струнку привратники, показал бронзовый клубный жетон, отдал необходимые распоряжения и двинулся к особняку, а остальные выгрузили из багажного отделения локомотива два длинных ящика и понесли следом.

На высоком крыльце особняка у прибывших еще раз проверили жетоны, после чего тяжелые двери из горного дуба распахнулись. В темном и гулком вестибюле, украшенном чугунными статуями Первого Кузнеца и древней богини Деллы, символа плодородия, гости остановились.

- Ждите! - бросил человек в крылатке своим спутникам, сбросил верхнюю одежду на руки лакею и двинулся по коридору в глубь здания.

* * *

Интерьер небольшого зала был выдержан в классическом стиле Старой эпохи – темное дерево, полированный камень, золотая драпировка на стенах и витражные стекла в окнах. Светильники были тоже традиционными – вместо свечей, масляных ламп и искровых люстр зал освещался стеклянными шарами, внутри которых кружились светящиеся бабочки.

За овальными столами, накрытыми достаточно скромно – легкие закуски, фрукты, лирморское сухое красное, – сидело не более двух десятков человек, в основном мужчины, облаченные в строгие костюмы; у многих головы покрывали традиционные краймарские парики с буклями.

Негромко переговариваясь, собравшиеся, казалось, чего-то ждали. Время от времени то один, то другой бросал короткие взгляды на двери и поглядывал на напольные часы, старинный хронометр в литом корпусе темной бронзы, показывающий не только часы и минуты, но и дни недели, времена года, фазы луны и периоды схода «Старой девы» – горного ветра ужасающей силы, трижды в холодные сезоны обрушивающегося на Краймар с вершин Северного хребта.

– Однако, почтенные, уже двенадцать минут десятого, – раздался чей-то хрипловатый голос. – Этот Ланг заставляет нас ждать. Кем он себя возомнил?

– Спокойнее, эрре Пирр, спокойнее, – несколько раздраженно откликнулся другой голос. – Давайте пока воздержимся от оценочных суждений...

Разговор прервался – слышались шаги, высокие двери бесшумно отворились, на пороге появился мажордом в шитой золотом ливрее. Высоко подняв двойной церемониальный спиртовой факел в форме бычьих рогов, он скрипучим голосом объявил:

– Почтенные эррен! Прошу приветствовать: эрре Тоттен нав Ланг!

Отступив в сторону, мажордом пропустил в зал невысокого мужчину в темном френче без знаков различия. На лацкане френча алела нашивка за ранение, левое плечо было украшено розеткой ордена Серебряной Звезды.

Тоттен нав Ланг, чуть прихрамывая, прошел в зал и, остановившись у крайнего стола, быстро, но внимательно окинул взглядом всех присутствующих. По-военному сдержанно кивнув, он пригладил короткие волосы, оперся о спинку стула и сказал:

– Прошу меня извинить за опоздание. Государственные дела, почтенные эррен.

– Да, да, эрре нав Ланг, мы в курсе, что вы не щадите себя, служа нашему любимому Краймару. – Один из мужчин, благообразный старик в парике и камзоле с позументом, поднялся и жестом пригласил вошедшего присесть. – Однако наше время, как известно, стоит дороже жизни, поэтому прошу вас: воздайте должное вину – и приступайте. Нам всем не терпится узнать, по какому поводу вы попросили наш клуб собраться на внеурочное заседание.

– Благодарю, эрре Солл, я не употребляю алкоголь, – сдержанно кивнул нав Ланг. – Если почтенных эррен это не оскорбит, я буду говорить стоя – мне после ранения тяжело сидеть. Хочу также напомнить о конфиденциальности нашей встречи – это необходимое условие. Теперь к делу, эррен: у меня плохие новости...

В зале закрытого клуба «Железная корона» собрался весь цвет финансовой и торговой элиты Краймара, а значит, и всего Центрума. Нав Ланг скользил взглядом по седым, лысым, украшенным париками головам мужчин и женщин, сидевших перед ним, а видел дымящие трубы заводов, лесные вырубki, пыльные зевы рудников, засеянные поля, товарные вагоны с углем и металлопрокатом, караваны контрабандистов, бредущие через пустыни и степи, лавки ростовщиков, офисы банков, тяжелые сейфовые двери – и золото, золото, золото...

В фамильные особняки и замки, принадлежащие этим людям, сходились нити управления гигантскими, но незримыми империями. На них работали сотни тысяч, а то и миллионы жителей Аламеи, Оннели, Джавая, Хеленгара, Сургана и Клондала, причем многие – даже не подозревая об этом.

Рыбаки, вытягивающие сети в заливе Мазу, торговцы в Хартме, перепродающие пойманную рыбу купцам из Лореи, железнодорожники, замораживающие ее в передвижных холодильниках, продавцы в магазине в Гранце и покупатели, варящие рыбный суп с тепелем к празднику святого Расма, не знали, что все

они – участники торговой схемы, созданной в далеком Краймаре эрре Тонгвилем, сухоньким старичком с запавшими глазами, меланхолично потягивающим сейчас лирморское из хрустального бокала.

Пограничники с какой-нибудь забытой всеми богами 42-й заставы, гниющие между Сухой пустошью и Ржавыми болотами, даже не подозревали, что полученный ими приказ не трогать контрабандистов, вышедших из Долины костей, в конечном итоге исходил не от их командира и даже не из Штаба Пограничной Стражи в Марине, а от сидящего неподалеку от эрре Тонгвиля толстяка с волосатыми пальцами, униженными перстнями, эрре Горра, подмявшего под себя едва ли не половину всей нелегальной торговли Центрума.

Его сосед по столу эрре Пирр был главой империи ростовщиков; у него в должниках ходили члены королевских домов и премьер-министры. Краснолицый эрре Солл напрямую или через акционерные дома владел двумя третями всех железоделательных и сталелитейных заводов Центрума, а благообразная пожилая дама, сидящая рядом с ним, эррес Геллен, успешно приумножала капиталы доставшегося ей от предков банка «Стоффен зан Барр», о богатствах которого ходили легенды даже среди фермеров Белого кряжа.

Со всеми этими людьми нав Лангу было непросто говорить, но он очень хотел сделать так, чтобы они его услышали. Отставной офицер Центра специальных операций армии Краймара Тоттен нав Ланг, ныне возглавляющий политическую партию «Сияющие Вершины» в парламенте страны, ставил перед собой амбициозную задачу: ему нужно было, чтобы члены клуба «Железная корона» стали его единомышленниками.

Одернув френч, нав Ланг продолжил:

– Эррен, все вы знаете, что мы находимся на пороге глобального экономического кризиса...

– Мы уже добрых пятнадцать лет на этом пороге находимся, – фыркнул эрре Горра и кинул в рот виноградину.

– Попрошу не перебивать меня, – спокойно попросил нав Ланг. – Вы все получите возможность высказаться, когда я закончу. Так вот, ситуация складывается следующая: на фоне падения уровня жизни и даже обнищания населения в

южных провинциях Центрума происходит рост недовольства населения политикой нынешних властей в этих регионах. Данные, полученные нами из Департамента Внешней Разведки, свидетельствуют, что в Джавале и Аламее социальное напряжение достигло того уровня, когда возможен бунт как отдельных областей, так и всех провинций.

– Ближе к делу, эрре нав Ланг! – попросил выступающего эрре Солл. – Пока вы озвучиваете всем известные факты.

– Да, безусловно, – кивнул нав Ланг. – И я позволю себе озвучить еще несколько из них: беспорядками на юге неминуемо воспользуются Сурган и Клондал, которые уже давно спорят друг с другом за право выступить в роли нового центра силы и восстановить единое государство на континенте.

– Пусть спорят, – засмеялся еще достаточно молодой эрре Морран, глава оружейного концерна «Морран, Штаф и Ги». – Чем скорее они вцепятся друг другу в глотки, тем лучше будет для нас, а значит, и для Краймара.

– Это все так, если бы не один нюанс. – Нав Ланг позволил себе изобразить намек на улыбку. – И здесь я перехожу к основной части своего выступления. Итак, почтенные эррен, в Генеральном Штабе Сургана разработан документ, получивший название «Доктрина Шаффора» – по имени Главнокомандующего вооруженными силами этого государства. Благодаря старым связям и отличной работе нашей разведки мне удалось ознакомиться с содержанием этого в высшей степени примечательного документа. В нем помимо прочего говорится о том, что захват ослабленных восстанием южных земель ни в коем случае нельзя рассматривать как основную цель вооруженных сил Сургана. Это будет лишь отвлекающий маневр, призванный ослабить внимание других развитых государств Центрума. Основной же удар будет нанесен по Клондалу, Цаду, Лорее и Хеленгару. Первоочередными задачами становится не массированное вторжение, а специальные диверсионные операции по захвату и уничтожению правительств и военного руководства указанных государств, а затем через границы поползут новейшие сурганские танки...

В зале стало шумно. Собравшиеся взволнованно переговаривались, кто-то наливал вина, чтобы «запить» новость. Над столами разнесся тенорок эррес Геллен:

– Какая, однако, ненасытная утроба у Сургана!

Эрре Солл постучал серебряной ложечкой по бокалу.

– Почтенные эррен, попрошу тишины. Мне кажется, что эрре нав Ланг сообщил нам далеко не все.

– Вы, как всегда, проницательны, почтенный эрре. – Нав Ланг изобразил полупоклон в сторону Солла. – Действительно, это не все. Специальные операции на территориях вышеупомянутых мною государств Сурган начнет только после того, как его вооруженные силы... вторгнутся в Краймар и произведут его захват.

Вскинув голову, нав Ланг посмотрел на кружащихся внутри одного из шаров светящихся бабочек. В зале повисла такая тишина, что было слышно, как трепещут их хрупкие крылья.

– Но зачем? – наконец подал голос эрре Пирр. – Краймар не представляет опасности для Сургана! У нас маленькая армия...

– Золото, – просто ответил нав Ланг. – Вексея, акции. А главное – вы. Сургану нужны рычаги для экономического ослабления других государств. При этом официальные лица в Танголе не могут остановить поставки пшеницы из Оннели в Клондал, не могут оставить рабочих на заводах в Цаде без заработной платы, не могут потребовать у фермеров Аламеи срочных выплат займов. А вы – можете. Пока Сурган готовится к войне, пока маслобойни Габаха готовят из рапса топливо для их будущих танковых армад, строящихся, кстати, на ваших же заводах, вы будете душить экономики всех прочих стран Центрума.

– Ерунда! – громче, чем следовало, выкрикнул эрре Морран. Он вскочил, резким движением подраспустил узел традиционного горского бело-синего галстука. – Интересно, как они собираются нас заставить? Добрая половина оружейных фабрик Сургана производит стрелковое оружие по нашей лицензии и с нашими комплектующими! Да я просто...

– Боюсь, почтенный эрре Морран, вы не до конца осознали, – мягко произнес нав Ланг. – В день, когда «Доктрина Шаффора» будет принята к исполнению, все предприятия Сургана пройдут процедуру национализации. Это первое. Второе: у

«доктрины» имеется несколько дополнений и секретных приложений, в которых максимально подробно изложено, как ее надлежит претворять в жизнь. Так вот: у захвата Краймара имеется идеологическое обоснование и четкий поэтапный план действий. В отношении вас, почтенные эррен, там сказано: «...в случае отказа сотрудничать использовать практику задержания близких родственников и применение методик воздействия через членов семей». Это, к слову, прием, которым часто пользуется «Вайбер», служба разведки Сургана. Я думаю, все здесь поняли, о чем идет речь?

И вновь в зале повисла тишина, на этот раз тяжелая и вязкая.

– Вы упомянули об идеологическом обосновании захвата Краймара, – чуть подрагивающим голосом сказал эрре Солл. – Думаю, не случайно. Давайте, почтенный эрре нав Ланг, добейте нас – что они там придумали?

Нав Ланг развел руками:

– Эррен, все просто: архивариусы и историки Сургана обнаружили в развалинах Линаума манускрипты тысячелетней давности, в которых указано, что в доимперский период Краймар и Сурган являлись одним государством, а их население – одним народом. Сурганцы всего лишь восстанавливают историческую справедливость.

– Скажите, почтенный эрре нав Ланг, а это правда? – тихо спросила эррес Геллен.

– Нет, – отрезал нав Ланг. – Это ложь. Наши историки уверены, что истина такова: исторически обитатели Сургана близки с оннельцами. Мы, краймарцы, пришли в эти места откуда-то с востока. Лингвисты утверждают, что в древнекраймарском и староаламейском есть немало похожих слов.

– То есть вы хотите сказать, что у нас и грязных аламейцев были общие предки?

– Именно так, почтенный эрре Пирр. Но это уже не относится к теме нашей сегодняшней встречи.

– Почтенный эрре нав Ланг. – Эрре Солл тяжело поднялся и вышел из-за стола. – Я так понимаю, вы пришли сюда не только для того, чтобы поведать нам эти воистину чрезвычайно важные и тревожные сведения, но и чтобы предложить что-то, что позволит избежать всех тех ужасов, о которых вы говорили, ведь так?

– Да, почтенный эрре Солл, я пришел не с пустыми руками. – Нав Ланг сделал несколько шагов к дверям, остановился и добавил: – Я хочу предложить уважаемым членам клуба свой проект отражения сурганской агрессии, но прежде чем я его озвучу, почтенные эррен, позвольте показать вам кое-что...

Отворив дверную створку, нав Ланг коротко бросил в полумрак коридора:

– Заносите!

Четверо крепких молодых людей в темной одежде полувоенного образца внесли в зал и поставили на пол два ящика, выкрашенных в неброский коричневый цвет. По приказу нав Ланга из одного была извлечена странная конструкция, чем-то напоминающая музыкальный инструмент, известный в Краймаре как горская флейта, только изготовленная из металла и на ножках.

– Вы хотите сыграть нам? – насмешливо спросил эрре Морран. – Надеюсь, это будет гимн Краймара? «Вперед, о горцы, зеленых долин сыны...»

– Я бы попросил вас, почтенный эрре, воздержаться от веселья, – процедил сквозь зубы нав Ланг, устанавливая «флейту» на крышку ящика.

– Да какое там веселье, – махнул рукой эрре Морран и залпом осушил свой бокал. – Это я так... скорее от страха.

Слово было произнесено – все в зале заговорили разом, переглядываясь и жестикулируя. Бонзы Центрума не стеснялись в выражениях и не особо обращали внимание на нав Ланга. Привыкшие считать себя властелинами мира, они восприняли сообщение об угрозе, направленной лично против них, весьма болезненно.

– Быть может, стоит проверить?! Откуда у этого Ланга такие сведения?

- Провокация? Вы считаете, это провокация?

- Почтенные, что мы вообще тут делаем? Этот человек хочет нас использовать!

- Эррен, эррен, успокойтесь! Давайте дослушаем нашего гостя до конца!

- Дайте ему сказать!

- Пусть убирается! Это политика, а мы вне политики!

Эрре Солл поднялся и зазвонил в традиционный краймарский колокольчик-вертушку.

- Почтенные эррен! - громко сказал он, когда в зале установилось нечто, похожее на тишину. - Я понимаю, что сведения эрре нав Ланга никого не могут оставить равнодушным, и именно поэтому призываю вас: проявите выдержку и терпение. Тишина!

Под испуганными, возмущенными, а то и откровенно враждебными взглядами собравшихся помощники нав Ланга установили у стены напротив «флейты» лист кровельного железа, вставив между ним и стеной деревянный щит.

Нав Ланг наконец закончил приготовления и выпрямился.

- Итак, почтенные эррен, я также попрошу тишины и внимания! Как я уже сказал, мы находимся на пороге большой войны, которая затронет весь Центрум. Правительство Сургана уверено, что никто на континенте не сможет противостоять их военному потенциалу. Самоходные артиллерийские орудия и танки, приводимые в движение двигателями нового образца - они используют в качестве топлива растительное масло, сжимаемое в цилиндрах с чудовищной силой, такие системы называются «двигателями внутреннего сгорания», - смогут проходить в сутки до двухсот лан, а толстая броня сделает их неуязвимыми для большинства типов пушек, находящихся на вооружении в Аламее, Джавале, Клондале и Хеленгаре. Малочисленная армия Краймара вообще не сможет противопоставить что-то этим самодвижущимся монстрам. Однако у нас есть возможность и время, чтобы подготовить агрессору асимметричный ответ. Прошу вас обратить внимание на эту установку. Это

модель нового оружия, которое еще не использовалось в Центруме. Итак...

Ланг достал из кармана френча коробку спичек, зажег короткий фитиль и поднес его к «флейте». Послышалось шипение, в воздух поднялся дымок, и в ту же секунду из трубки с пронзительным свистом вырвалась огненная стрела. Она с оглушительным визгом пересекла зал и вонзилась в железный лист. Грохнул взрыв, в воздух поднялись клубы дыма. Вспыхнула портьера, упала чугунная стойка, стеклянный шар разбился, и несколько десятков светящихся бабочек взвились к потолку, закружившись в тревожном сверкающем хороводе.

- Пожар! - пронзительно завопил кто-то.

К горячей портьере уже бежали лакеи с ведрами, полными воды. Они споро сдернули полыхающий занавес и залили его, после чего невозмутимо принялись убирать образовавшийся мусор.

- Хм... - Эрре Солл потер подбородок. - Надо сказать, у вас странные методы убеждения, эрре нав Ланг. Что это было?

- То, что вы видели, почтенные эррен, - как ни в чем не бывало продолжил Ланг, - называется «переносная ракетная установка с кумулятивным зарядом». Подобное оружие существует и широко применяется в одном из сопряженных с Центрумом миров. Оно чрезвычайно эффективно против бронетехники, причем заметьте - один боец способен уничтожить несколько танков или самоходных установок. Содержащийся в боевой части переносной ракеты заряд прожигает броню, создавая внутри чрезвычайно высокую температуру и избыточное давление, уничтожающее экипаж. Лист!

Последние слова были обращены к помощникам. Молодые люди вынесли на середину зала закопченный кусок кровельного железа. В центре его было ясно видно небольшое отверстие.

- Я только что смоделировал с помощью опытного образца малой мощности кумулятивный эффект, и вы, почтенные эррен, можете видеть, что даже малый заряд прожег лист насквозь. Точно так же прожигается и броня практически любой толщины, все зависит от силы заряда.

– Почтенный эрри нав Ланг... – Эрри Морран потер подбородок, подбирая слова. – Вы... так скажем, убедили меня в том, что это оружие отлично справляется с бронированными машинами Сургана. Но перед нами, как вы сами сказали, модель, опытный экземпляр. Чтобы наладить массовый выпуск, нужно затратить большие ресурсы, задействовать промышленные мощности и массу рабочих рук. На все это нужны деньги и время. Как вы собираетесь решать эти проблемы, при том что Сурган, как мы все поняли, ждать не будет? Быть может, агенты «Вайбера» уже подбираются к нашим близким? Быть может, всех нас уже поджидают, и не сегодня, так завтра мы окажемся в застенках? Что вы на это скажете?

Нав Ланг выслушал эрри Моррана с непроницаемым лицом, но с ответом медлить не стал.

– Как вы понимаете, почтенные эррен, Центр специальных операций и все истинные патриоты Краймара не могли не предпринять упреждающих действий, дабы перехватить инициативу у сурганской разведки. Вы можете быть абсолютно спокойны – все ваши близкие, друзья и родственники в данный момент взяты под надежную охрану бойцами ЦСО и активистами партии «Сияющие Вершины». Кроме того, имею честь уведомить вас, что в связи со сложной геополитической обстановкой наша партия берет на себя управление Краймарской республикой. Правительство уже отправлено в отставку, государственный канцлер эрре Доххаур объявил об этом в парламенте чуть менее часа назад и сложил с себя полномочия. В настоящий момент идет процесс выборов нового канцлера. Среди прочих в списке претендентов внесена и кандидатура вашего покорного слуги.

– И что-то мне подсказывает, – хмуро сказал эрре Пирр, – что именно у этой кандидатуры более всего шансов.

– Ваши слова, – нав Ланг дернул уголком рта, – да Первому Кузнецу в уши.

– И тем не менее вы здесь, почтенный эрре, а не в парламенте. Почему? – спросил эрре Солл.

– Это говорит лишь о том, – тут нав Ланг позволил себе полноценную улыбку, – какое значение я придаю нашему... совещанию.

– Все ясно, – буркнул эрре Тонгвиль и раздраженно сбил на пол пустой бокал. – В Краймаре произошел государственный переворот. Поздравлю, почтенные эррен, мы докатились до...

– Я бы попросил вас, почтенный эрре, воздержаться от подобных эпитетов, – жестко прервал его нав Ланг. – Мир изменился, и изменился кардинально. Нам – нам всем! – брошен вызов. Патриоты Краймара действуют в соответствии с обстановкой, и я сейчас обращаюсь к вам, самым богатым и уважаемым гражданам нашего Отечества: готовы ли вы поддержать наши действия?

– Можно подумать, – глядя прямо перед собой, горько бросила эррес Гелен, – у нас есть выбор...

– Да, – возвысил голос нав Ланг. – Еще вчера выбор был таким: ужасный конец или ужас без конца. Но сегодня ветер переменился. Он сорвался с «Сияющих Вершин» и очистительным ураганом несется про Краймару! Мы готовимся к упреждающему удару, мы сорвем планы коварного агрессора и возродим былую мощь и славу империи!

– Ах вот вы на что замахнулись. – Эрре Солл откинулся на спинку стула, сложил руки на груди. – Что ж, тогда уж будьте добры ознакомить нас с вашими дальнейшими действиями.

– С нашими, почтенный эрре, с нашими, – поправил его нав Ланг. – А действия будут следующими: прежде всего все вы, эррен, перечисляете десятую часть своего состояния на нужды Комитета обороны. Далее – мы начинаем отбор добровольцев и частично мобилизуем тех краймарцев, которые, по нашему мнению, достойны принять на себя высокое звание защитников Отечества. Из них в специальных центрах будут сформированы истребительно-штурмовые отряды, способные остановить сурганское вторжение. Мы заставим врага захлебнуться его же черной кровью!

– Почтенный эрре, – поморщился эрре Морран, – вы не в парламенте, оставьте эту... трескучую риторику. Мы все тут люди практического склада ума. К делу! За людьми, это понятно, дело не станет. Но где вы возьмете столько этих ваших... ракет, да? Мне как профессионалу это крайне интересно.

– Именно ракет. Ваша проницательность делает вам честь, почтенный эрре, – кивнул нав Ланг. – Действительно, мы не успеем наладить выпуск такого количества ракет, но это и не нужно. Достаточно одного образца, который превратится затем в тысячи и даже десятки тысяч выстрелов по врагу.

– Но как? Каким образом? – зазвучали удивленные голоса.

– Прошу прощения у почтенных эррен – это государственная тайна, – спокойно произнес нав Ланг.

– Нам предлагают принять все на веру, – проворчал эрре Тингол. – Что ж, вся наша жизнь – выбор между тем, верить или не верить. Верить партнерам, верить жене, хе-хе... Деловая жизнь – всегда риск. Все зависит от ставки. Тут ставка высока и весьма заманчива. Возрождение империи... Да, весьма заманчива. У меня все.

– Итак, почтенные эррен, наступил решающий момент... – Нав Ланг оглядел всех присутствующих. – Сейчас каждый должен ответить – не мне, не себе и даже не Краймару, а всем народам Центрума, готов ли он войти в Совет Национального Возрождения...

– Эрре нав Ланг, простите, что я вас перебиваю. – Эрре Солл встал и поднял руку. – Позвольте мне на правах председателя нашего клуба сказать коллегам два слова?

– Хм... – Нав Ланг нахмурился, но спорить не стал: – Прошу.

– Почтенные эррен, минуточку внимания! – Эрре Солл вышел на середину зала и встал рядом с ящиком, на котором еще дымилась пусковая труба модели ракетной установки. – То, что произошло сегодня, назревало достаточно давно. Не секрет, что все мы с тревогой наблюдали за военными приготовлениями Сургана. Конечно, с одной стороны, многим из нас многочисленные заказы от правительства этого государства были на руку, но с другой – мы понимали: рано или поздно Сурган перестанет быть удобным партнером. Рано или поздно любое оружие начинает стрелять, в этом его предназначение, подтвержденное ходом всей нашей истории. Рано или поздно тот, для кого ты ковал меч, обратит его против тебя – так говорил Первый Кузнец, и я думаю, ни у кого в этом зале нет оснований сомневаться в его словах. Так вот: лично я предпочитаю поддержать

эрре нав Ланга. Пора вспомнить, что мы – сыны Краймара, и понять, что история дает нам шанс. Почтенные эррен, прошу простым поднятием рук высказать свое отношение к происходящему. Кто за то, чтобы войти в Совет Национального Возрождения?

Пауза была не особенно долгой – первым поднял руку эрре Пирр, через мгновение за ним последовали остальные.

– Благодарю вас, почтенные эррен, – сказал нав Ланг. – Я рад, что не ошибся в вас.

– Да, но что теперь будет? – с испугом в голосе спросила эррес Геллен. – Что нам... что мне делать?

– Вас обо всем известят. Почтенные эррен, я не смею больше никого задерживать. – Нав Ланг коротко, по-военному, кивнул. Охрана за его спиной синхронно щелкнула каблуками.

Члены клуба начали подниматься со своих мест, кто-то уронил стул, и лакеи бросились туда, чтобы навести порядок.

В дверях образовался небольшой затор – каждому хотелось поскорее попасть домой, чтобы убедиться, что с его родными все в порядке, и поразмыслить на досуге над всем случившимся. Они еще не знали, что люди из «Сияющих Вершин» не только взяли под охрану их дома, но и конторы, офисы и штаб-квартиры, и отныне ни одна сделка не могла быть осуществлена без ведома канцлера нав Ланга и визы комиссаров Совета Национального Возрождения.

Сам Ланг, прихрамывая сильнее обычного, прохаживался вдоль стены. Увидев эрре Солла, он сделал короткий жест.

– Почтенный эрре, попрошу вас задержаться. Эрре Пирр, вас тоже. И вас, эрре Морран.

Вскоре зал опустел. Охрана нав Ланга вынесла ящики, лакеи убрали со столов, накрыв один в углу, у окна. По стеклам барабанил дождь. Бабочки в светильниках устало опускались на стеклянные стенки шаров.

– Третий день эта мокрядь, – проворчал эрре Солл, расстегивая церемониальный золотой пояс, украшенный крупными синими камнями. – Суставы ноют.

– По-моему, все прошло как нельзя лучше. – Эрре Морран, не дожидаясь лакея, сам разлил вино по бокалам, поднял свой. – Ну, за успех?

– За успешное начало, – поправил его эрре Пирр. По залу поплыл тонкий хрустальный перезвон.

– Вы чертовски убедительный оратор, нав Ланг, – улыбнулся эрре Морран, опустошив бокал. – И хороший организатор.

– Политика – искусство возможного, – пожал плечами нав Ланг. – Но у нас возникли некоторые затруднения. Во-первых, опытный образец до сих пор не доставлен в Краймар. У наших друзей возникла заминка, сроки прошли, и нам придется задействовать резервный канал. Поэтому сегодня же вам, эррен, придется связаться с железнодорожниками и нанять литерный поезд до Соляной впадины. Второе: наша контрразведка зафиксировала активность Пограничного корпуса, а они, как вы знаете, работают в тесном контакте с «Вайбером»...

Глава третья

Когда-то в этих местах текла река, довольно полноводная, по ней даже ходили паровые катера и баржи с аламейским зерном. Местные рассказывали, что называлась она Марана и брала исток где-то на Белом кряже. В то время никаких Сухих пустошей не было, наоборот, весь юго-запад Аламеи был цветущим краем, как у нас говорят, житницей.

Потом, после молекулярной чумы и изменения климата, Марана высохла, превратившись в широкую канаву посреди каменистых пустошей. Кое-где на ней до сих пор встречаются ржавые остовы судов, а на берегах можно увидеть полузанесенные песком развалины деревень и складов. Унылое в общем-то местечко, но спокойное – ни бандитов, ни кочевников, да и погранцы патрулируют эту местность больше для блезиру. Если знать правильные тропы,

пройти можно без проблем.

А вот за Мараной, в ее бывших низовьях, начинается тухляк, и чем ближе к Ржавым болотам, тем тухлее. Местность тут понижается, отовсюду прет «зеленка». Соответственно, и живности становится поболее, чем на пустошах, и добро бы это были грызуны или копытные, так нет. В Замаранье полно ядовитых ящериц, водятся стаи саблезубых псов, встречаются пардусы, а в озерах можно запросто напороться на гигатею, огромную пятнистую змею вроде земной анаконды. Гигатеи бывают до двадцати метров длиной и убивают человека как-то особенно мерзко – обвивают кольцами, но не душат, а заглатывают живьем.

Поэтому идти по Замаранью нужно осторожно и только в светлое время суток. Ночью, когда твари выходят на охоту, погибнуть можно с высокой долей вероятности. Гарантированно, короче.

Я останавливаюсь на ночлег на краю обрыва. Когда-то внизу шумел водный поток, один из притоков Мараны. Теперь там сухо, только песок и глина. В случае чего можно будет сигануть вниз и оторваться от тех, кто потревожит мой сон, кто бы они ни были.

На закате разогреваю на спиртовке банку тушенки, потом кипячу чай в кружке. Расстелив кошму, закапываю пустую банку и рассыпаю вокруг стоянки сухую ромашку. Наша обычная аптечная ромашка отлично отпугивает всяких местных членистоногих гадов, среди которых полно ядовитых. Спать теперь можно спокойно.

Подложив под голову рюкзак, запахируюсь второй половиной кошмы и смотрю на догорающее в желто-сизых сумерках светило. Красота невероятная – как на картине Моне «Закат солнца», только вместо реки у меня тут высохшее русло.

Ночь проходит спокойно, но, проснувшись и откинув отсыревшую за ночь кошму, понимаю – дело табак, погода ночью сменилась, и теперь ветер дует с болот, неся тяжелый запах гнили и сырость.

Небо затянуло облаками, того и гляди пойдет дождь. Нужно спешить. В здешних местах, а особенно ближе к болотам, дожди могут идти неделю кряду. Там какая-то метеорологическая аномалия – циклон повисает над впадиной болот и выжимает из себя влагу, тут же напиваясь ею вновь.

Иду весь день, делая всего две остановки, чтобы перекусить. Вроде тихо. Здесь, возле болот, погранцов почти не бывает, нечего им тут делать, но я опасаясь не столько людей, сколько зверья. Стая саблезубых псов, если они выследят меня на открытой местности, – это верная смерть, и «сучок» не поможет.

В голове вертится одна и та же песня, я знаю ее с юности:

Мой путь неизведан, он в бездне туманной.

Он сам себе предан, покрыв себя тайной...

К вечеру становится видно, как меняется рельеф вокруг. Холмы, бугры, обрывы – все осталось за спиной. Вдоль длинных ложбин и бывших стариц Мараны появляются заросли узколиста. Это кустарник вроде нашей вербы или тальника, растущий только там, где есть влага. Правда, листья у узколиста не зеленые, а красно-бурые.

Многие, особенно новички, считают, что Ржавые болота получили свое название из-за того, что там везде растет узколист, но это не так. Ржавые болота – они в самом деле ржавые, но чтобы понять это, нужно углубиться в них, пройти Саманку, Камыши и добраться до Вмятины или Азума.

Почва под ногами начинает пружинить, за ботинки цепляется плетегон, местная травка типа нашего вьюнка. Вскоре замечаю первое озерцо – подернутая пленкой вода тускло поблескивает, словно там лежит большое запотевшее зеркало.

Достаю карту, сверяюсь с местностью. Вроде иду правильно, примерно через полчаса слева должно показаться Первое кладбище. Там сухо, можно заночевать. Ночью в болото идти – врагу не пожелаешь, даже со светом. Многие контры используют старые железнодорожные фонари, плоские такие, и ходят по ночам, но только не здесь.

Вот и кладбище – покосившаяся железная арка ворот, поваленная ограда, заросли бурьяна и темные силуэты надгробий. Ветер заунывно подвывает в ржавых прутьях, тревожно шелестят кусты, где-то далеко, на болотах, трижды кричит ночная птица.

Когда я был маленьким, лет восьми или девяти, то однажды оказался на кладбище поздним вечером. Дело было в деревне у бабушки, мы с пацанами бегали на речку и на обратном пути рассорились то ли из-за крючков, то ли из-за катушки японской лески, не помню уже, да и не важно теперь. Главное – я сказал, что пойду домой один через лес, потому что по дороге с вами, козлами, мне идти запаadlo. И пошел. А когда до деревни оставалось уже совсем чуть-чуть, вспомнил, что впереди меня ожидает кладбище. Тут как раз и стемнело.

Никогда не забуду – сумрачно, шумят высоченные кусты сирени, на одном конце небо еще светлое, а на другом уже все затопила густая темень и зажглись звезды. Я сжимаю в руках удочку, стараясь не зацепиться за ветки, поворачиваюсь и вздрагиваю: тропинка уходит в дыру в заборе, а за ней – могилы. Дальше помню только, что было жутко страшно, и боялся я даже не чертей или оживших покойников, а того, что ты находишься в таком месте, где никого нет, где только мертвые лежат под землей. И еще помню, что, пока я шел между оградками, обелисками и крестами, все время ждал, что сейчас навстречу из зарослей шагнет человек в кепке (почему-то именно в кепке!) и скажет таким добрым-добрым голосом: «Здра-а-авствуй, мальчик! А я тебя жду».

В Центруме на кладбищах нет крестов и оградок. Ну, по крайней мере вот на этом кладбище, на болотах, нет. Могилы здесь круглые или овальные, замощены каменными плитами, а надгробия больше всего напоминают усеченные пирамидки. На плоских вершинах написаны имена покойных – чтобы небо видело, и когда Всеобщая Мать спустится за своими детьми-праведниками, ей не пришлось долго искать их.

Так ли это, или имена пишут сверху по иной причине, проверить сложно. Про Всеобщую Мать мне рассказывал рыбак с побережья по имени Торен, но верить Торену – себя не уважать, он тот еще прощелыга и всегда говорит то, что ты от него хочешь услышать, особенно если ты иномирнин.

Одно я знаю точно: когда-то, до «молекулярки», никаких Ржавых болот не было, а был большой густонаселенный и промышленно развитый район с городами, поселками, дорогами и нефтепромыслами, где открытым способом добывали высоковязкую нефть и битум. Вот этот битум всех и сгубил. Когда начался Катаклизм, находящиеся буквально на поверхности углеводороды разложились быстрее, чем в других местах, сперва окутав все вокруг плотными ядовитыми испарениями, а потом образовав неглубокие, но весьма многочисленные провалы и понижения рельефа.

В новую низину со всех сторон устремилась вода – рек и ручьев тут всегда было в избытке. Люди в панике пытались покинуть свои жилища; снимались с места и уходили целыми городами, брели по колени в воде, потом по пояс, а в итоге...

Одни называют цифру в двести тысяч погибших, другие – в пятьсот, третьи – в семьсот. Проверить невозможно, но я лично несколько раз натыкался в глубине болот на человеческие кости, уже выбеленные временем. Как правило, их можно найти на берегу какого-нибудь озера, там, где вода вымывает ил у корней узколиста.

Где-то на севере болот из воды торчат стены городских домов и ржавые остовы машин и механизмов, но туда никто не ходит, это проклятое место. Здесь, на юго-востоке, городов, видимо, не было, но полузатопленных деревень и поселков хватает. В одном из таких поселков, Азуме, меня и ждут те, кому я несусь послание. От кладбища до Азума день пути. Завтра вечером все закончится, и можно будет отправляться обратно. Как пелось в одной хорошей песне: «Хорошо, что есть на свете это счастье – путь домой».

Пробравшись между пирамидками надгробий, нахожу «свое место». Это небольшой полуобвалившийся купол, сложенный в незапамятные времена из звонких керамических плиток, в изобилии усеивающих теперь все вокруг. Наверное, под куполом был похоронен местный правитель или жрец, человек влиятельный и знатный. Наверное, сюда приходили люди, поклонялись усопшему, приносили цветы – или что там у них было принято нести на могилы?

Теперь мавзолей, как и все вокруг, пребывает в запустении. Внутри нет ни надгробия, ни его следов, только каменный мозаичный пол с кругами и квадратами. Стены заплетены болотной разновидностью плетегона, очень похожей на земной плющ, а на уцелевшей части купола свили гнезда какие-то местные пестрые птички типа зябликов. После захода солнца они, как правило, спят, но в случае приближения хищника поднимают страшный тарарам. Это мне на руку, как и то, что плитка, усеившая землю вокруг мавзолея, не дает никому возможности подойти к куполу бесшумно.

Пролезаю сквозь пролом в стене, зажигаю в нише восковую свечку. Далее все как всегда: быстрый ужин, приготовления ко сну – и я укладываюсь. Автомат стоит у изголовья. Я снимаю его с предохранителя. По магазину ползет, смешно переставляя суставчатые ноги, местный сверчок. Его тень, гипертрофированно

грозная, движется по стене. На болотах перекликаются ночные птицы.

Задув свечу, укрываюсь кошмой. Через огромную дыру в куполе на меня смотрят звезды. Они такие же, как на Земле. Среди контры до сих пор обсуждается гипотеза о том, что на самом деле Центрум – это не другая планета, а Земля, только очень древняя, времен Гондваны или Пангеи, и через Порталы мы попадаем не в параллельный мир, а в прошлое. Впрочем, это все разговоры. Гипотез о том, что такое Центрум, сотни, если не тысячи, но ни у одной из них нет того, что ученые называют «доказательная база».

С этими мыслями я засыпаю...

* * *

Обычно в Центруме я снов не вижу – после дневного перехода спишь как убитый, вымотавшийся за день организм сам себя ограждает от ненужных раздражителей, мешающих отдыху.

Но сегодня ночью почему-то все иначе. Мне снится, что я опять стал маленьким мальчиком и пошел в школу. Школа огромная – сотни этажей, лестниц, классов, множество незнакомых людей, шум, гул голосов. Меня охватывает чувство невероятного одиночества. Я стою на лестничной площадке у перил. На железных прутьях – потеки краски. Мимо с гомоном валит толпа старшеклассников. Холодно, тревожно, страшно. Я перегибаюсь через перила и смотрю вниз. Там пропасть, лестничные марши уходят вниз; на самом дне я вижу человека в черном. Он смотрит на меня. Кружится голова, тяжело дышать. Неодолимая сила заставляет меня свеситься, опустить руки. Еще немного – и я полечу туда, где стоит этот страшный незнакомец.

Просыпаюсь рывком, дыхание сбилось, руки затекли, вокруг мрак. Постепенно глаза привыкают к темноте. Я вижу звезды, очертания дыры в куполе – и силуэт человека в проломе, через который я попал в мавзолей.

Человек стоит и смотрит. Страх, охвативший меня во сне, усиливается резко, скачком. Адреналин заставляет сердце сорваться в галоп. Хватаю автомат – и не чувствую его, в затекшие пальцы впиваются тысячи крохотных иголок. Нужно восстановить кровоснабжение, растереть руки, но на это нет времени.

В Центруме, и особенно здесь, на болотах, нужно сперва стрелять, а потом уже разбираться, это непреложное правило, написанное кровью.

Человек в проломе переминается с ноги на ногу, словно зомби. Глаза его поблескивают, как у хищника. Стиснув зубы, направляю ствол АКМСУ на темный силуэт. Затвор взведен, осталось только нажать на спусковой крючок. Пальцы по-прежнему ничего не чувствуют. Ругаюсь сквозь зубы.

- Г-гонец, эт-то ты, что ли? – доносится до меня заикающийся голос.

Накатывает горячая волна злости, в голове словно вспыхивает маленькое солнце. Я вскакиваю, бросаюсь к незваному гостю, задушенно матерюсь.

- Бека, тварь, убью!

- Чего т-ты, чего! – испуганно кричит визитер, отшатываясь в сторону. – Мы думали, т-тут нет никого...

Луч света откуда-то сбоку выхватывает его испуганное лицо, взблескивают очки на вздернутом носу. Я замахваюсь автоматом. Бека закрывается руками:

- Н-не надо!

- А я тебе говорил, – слышится скрипучий голос Пономаря. – Не лезь дуром, камень кинь сперва. Хорошо еще, что на Гонца напоролись, другие бы палить начали сразу.

Луч фонаря скачет по плитке, по стене мавзолея. Слышатся шаги, и из темноты появляется человек, одетый в брезентовый плащ. Тусклый железнодорожный фонарик в его руке светит мне в глаза.

- Убери! – рычу я со злобой. – Уррроды, вашу мать!

- Прощения просим. – Пономарь изображает полупоклон. – Не со зла мы, по неведению. Бека, зажги коптилку.

- Здорово, Гонец, – раздается еще один голос.

Я не поворачиваю головы, но обретшие чувствительность пальцы сами собой крепко стискивают автомат.

Костыль. Жив, падла. Давно не виделись.

– И тебе не хворать, – отвечаю спокойно, тщательно подавив дрожь в голосе. С этим человеком нужно быть очень осторожным во всем.

...Бека и Пономарь – контры, «слетанная пара», старожилы. На юге, от Хартмы до Белого кряжа, личности известные. Гешефт у них небольшой, таскают в Центр ум разную мелочевку, имеют своих людей на заставах, через них в основном и сбывают товар. Очкастый дохляк Бека и пожилой уже, тертый калач Пономарь никогда не берутся за крупные и, соответственно, опасные дела.

У Беки есть удивительная особенность – он умеет ходить, не производя шума. Это не навык, просто повезло парню от природы. А еще Бека фартовый, это все знают.

Пономарь тоже не лыком шит, он – «мультик», мультипроводник, хотя и тщательно это скрывает, чтобы контровская мафия не подписала его на «гибляк», контрабанду предметов первой категории – оружие и запрещенные в Центре технологии.

Ума не приложу, чего эту парочку занесло на болота, тут нет поселений, а значит, нет ни пограничников, ни торговцев. А вот как к ним прибился Костыль – вообще не моего ума дело.

Это опасный человек. Мутный. Есть у нас с ним «крестик» один, про который никто не знает. После него я для Костыля – нежелательная персона в Центре. Да и вообще по жизни. Нежелательная потому, что знаю то, о чем никто знать не должен, а сам Костыль, наверное, с радостью забыл бы.

– Чай. И пожрать, – распоряжается Костыль, сразу давая понять, кто тут главный, и уверенно идет внутрь мавзолея. Плитка трещит у него под сапогами. За спиной Костыля, рядом с тощим армейским рюкзаком, я замечаю короткую винтовку с зачехленной оптикой.

Судя по всему, Костыль пришел в Центр не просто так. «Не по мою ли душу?» – обжигает нехорошая мыслишка. Впрочем, я сразу гоню ее – на кой ляд ему тогда Бека с Пономарем? Судя по тому, что мне известно о Костыле, расправиться со мной он запросто мог бы в одиночку, тем более с такой пушкой.

– Вы, мужики, отдыхайте, а я посплю, мне вставать рано. – Я ставлю гостей в известность о своих планах таким тоном, чтобы поняли – мы порознь.

– А т-ты куда ид-дешь? – отрывается от разжигания походной спиртовки Бека.

– Не приставай к человеку, – скрипит Пономарь.

– Д-да я же п-просто... Вдруг он т-тоже в Азум, – оправдывается Бека.

– Хавальник завали, – цедит Костыль, усевшись у спиртовки. – Дольше проживешь.

Сухое горячее разгорается, и я вижу, как Бека виновато моргает за стеклами очков. Бека, несмотря на всю свою нелепость и даже глупость, – везунчик. Сколько лет уже в контре, а не имеет ни единой царапины, и даже круг у него на запястье не заштрихован. Впрочем, везение везением, а если бы не Пономарь, давным-давно уже лежал бы Бека на глубине двух метров, а то и вовсе катал бы ветер по пустошам его пустой и звонкий череп.

Ложусь – автомат на грудь, запахиваю кошму. Понятное дело, толком поспать не получится уже, но хотя бы подремать нужно, иначе завтра к обеду я буду никакой.

Закрываю глаза и думаю: «А ведь теперь придется идти к Азуму вкругаля. С Костылем мне явно не по пути».

* * *

Просыпаюсь до рассвета. Небо уже посерело, тоскливые сумерки заползают в мавзолей, в проломе колышется туман. Туман – это хорошо, проще будет уйти.

В голове само собой возникает: «Туман, туман, сплошная пелена. И где-то за туманом затуманилась война...» Это у меня давно, еще после контузии началось – чуть что, сразу какая-нибудь песня или стишок в башке начинает вертеться, подходящий к ситуации. Я их помню прорву – и еще немножко. Прямо наваждение.

У противоположной стены спят ночные гости. Слышно, как похрапывает Пономарь и тоненько посвистывает во сне простуженным носом Бека. Костыль спит тихо, его спальник в самом углу. Я вижу оружие, лежащее рядом со спящими, – ружье Пономаря и короткий пистолет-пулемет Беки неизвестной мне марки. Из такого только крыс в подвале стрелять.

Стараясь не шуметь, сворачиваю кошму, вешаю на грудь автомат. На цыпочках иду к пролomu. Кроссовки у меня на натуральном каучуке, когда ступаешь, не слышно.

Покинув мавзолей, делаю шаг по плитке, наступая уже на полную подошву – так плитка меньше трещит.

– Слышь, Гонец, – раздается за спиной тихий голос Костыля. – Иди обратно. На Азум вместе пойдём.

Поворачиваюсь – Костыль сидит на корточках у стены с внешней стороны, на коленях – винтовка, теперь я вижу, что это «хеклер-кох». Серьезная штука. Чехол с прицела снят.

Похоже, я крепко влип, и очень может быть, что виной тому послание, которое я несу группе контры, ожидающей меня возле Азума. Дурное предчувствие, посетившее меня в самом начале этой вылазки в Центрум, превращается из предположения в четкую уверенность: «Не нужно было брать этот контракт».

Послание, которое я должен передать, находится на подкладке куртки. Не «за», а именно «на». Куртка у меня легкомысленная, обычная хэбэшная штормовка, китайская дешевка типа «сафари». Подкладка тоже хлопчатобумажная, пестренькая, изображает оттиски газетных страниц разных стран мира. Вот где-то там, в мешанине латинских букв, арабской вязи и иероглифов, и спрятано послание. Но какие буквы, какие слова и предложение нужно прочесть, знает только старший группы, которая меня ждет, дядя Вова. Вообще-то он никакой не

дядя, конечно, – обычный парень под тридцатник, худой и жилистый, как большинство контры, но у него свыше трех сотен ходок в Центрум и ни одной засветки. Профи. Это про него:

По рыбам, по звездам

Проносит шаланду:

Три грека в Одессу

Везут контрабанду.

Что несут люди дяди Вовы, я понятия не имею. Почему? Потому что меньше знаешь – дольше живешь. Это главный и основной закон контрабандистов, контры, как мы себя называем. Вообще в Центруме жуткая каша: пограничники, железнодорожники, контра, местные, бандиты, кочевники, разведки Клондала и Сургана, боевики Старца из Оннели, а в последнее время появились еще какие-то то ли террористы, то ли фанатики, убивающие всех иномирян. Учитывая, что Центрум сопряжен как минимум с десятком других миров, называемых здесь лепестками, работы у этих ребят всегда будет много.

Фактически Центрум – проходной двор, перекресток, перепутье миров, центр цветка, на который приходят с лепестков и уходят на лепестки. Я понимаю, почему среди местных есть те, кто ратует за изоляцию – жить на семи ветрах, несущих отнюдь не запахи роз и ванили, малопривлекательно, а иногда и смертельно опасно.

Ту же «молекулярку», уничтожившую в Центруме запасы углеводородного сырья – нефть, газ, битумы, а заодно и всю пластмассу, – принесло сюда из мира, который в обиходе именуется Очагом. Впрочем, «принесло» – неправильное слово. Молекулярную чуму в Центрум внедрились, забросили, привнесли, привили – короче говоря, мой постоянный заказчик на Земле, хитрый человечек по прозвищу Кенарь, считает, что это была диверсия. Дело в том, что Центрум еще сто с лишним лет назад существенно опережал все миры-лепестки в плане технологического развития. Это именно отсюда на Землю попали паровые машины, искровые радиоприемники, электрогенераторы и даже теория расщепления атомного ядра.

Центрум был лидером – а потом его помножили на ноль. Катаклизм исковеркал тут все – рельеф местности, климат, уровень жизни, политическое устройство,

демографию, даже религию. На континенте воцарился хаос, а где хаос, там всегда есть любители и профессионалы ловли рыбы в мутной воде. Я, собственно, один из таких профессионалов. Точнее, я считал себя таковым до сегодняшнего утра.

Пока я размышляю подобным образом, сидя на обломке камня, вывалившегося из стены мавзолея, Бека и Пономарь собирают вещи. Наконец они появляются в проломе. Костыль легко встает, указывает стволом винтаря на тропу, уводящую между могил-пирамидок в туман.

– Пошли. Бека первым, потом Гонец, потом Пономарь. Я замыкающим.

Глава четвертая

Не люблю я Ржавые болота. Дышать тут тяжело. И не в сырости дело. Мне запах не нравится. Тростниковая гниль, вода, ржавчина – все смешивается в осязательный коктейль, и лично мне он не по вкусу.

Впереди качается спина Беки. Под ногами хлюпает, грязная вода брызжет на комбез, в стороне каркает местная ворона. А может, и не местная – эти птицы в Центруме точно такие же, как и у нас, на Земле.

Как обычно, ни с того ни с сего вспоминается стишок, на этот раз Киплинг: «День-ночь, день-ночь, мы идем по Африке». Пытаюсь переделать певца британского колониализма под наши нынешние реалии: «День-ночь, день-ночь, мы идем по Центруму. День-ночь, день-ночь – все по тому же Центруму. Хлюп-хлюп-хлюп-хлюп – от шагающих сапог. И отдыха нет никогда...»

Бека движется головным, вертит головой на триста шестьдесят градусов, как сова. Вторая причина, по которой я не люблю болота, – плохая видимость. Тростник, узколист и камыши стоят стеной, и никогда не знаешь, что или кто подстерегает тебя в этих зарослях. Ломиться очертя голову тут смерти подобно, двигаться приходится очень медленно, постоянно осматриваясь и прислушиваясь, хотя толку от этого не много.

Третья причина моей нелюбви к болотам – шум. Здесь никогда не бывает тишины. Болота вздыхают, булькают, шуршат тростником, плещут водой – а мне в этих звуках слышится злорадный шепот: «Иди с-с-сюда, ч-человек... Глубже... Дальше-ше... Иди... И не надейс-с-ся вернутс-ся...»

Я понимаю – паранойя и все такое прочее. Но болота все равно не люблю.

По-хорошему, по-правильному – нам надо выйти на тропу. У Беки карта болот с нанесенными тропами – от кладбища к Дассо, от Канадки на север, к заброшенной железке, и на запад, к Азуму. Полдня все было хорошо, но туман не рассеялся, и мы сбились с пути.

Теперь, судя по всему, мы блуждаем где-то на подходе к Дассо, и чтобы избежать попадания в самую трясиину, должны пройти по краю топей к насыпи. По карте получается, что попутная тропа для нашего маршрута есть – она ведет почти строго на север. Но это на карте. А на местности тут одни лужи и камыши.

– М-может, покушаем? – предлагает Бека.

– Рано еще, – отрицательно качает головой Костыль. – До железки дойдем – тогда...

Бека недовольно ворчит, украдкой достает не то сухарь, не то печенье и начинает грызть, зыркая на всех из-под капюшона. Не прав он, конечно – на маршруте жрать нельзя, это даже зеленые новички знают. Но я не суюсь, эти ребята не первый год вместе и до сих пор живы – значит, всех все устраивает.

Пономарь, идущий позади, тихо говорит мне в спину:

– Диабет у него. Частое дробное питание нужно. И углеводы.

* * *

Выходим на небольшую сухую гривку. Здесь можно передохнуть и осмотреться. Бека, набив полный рот печеньем, шуршит картой.

- Ну и где она, тропа эта? – раздраженно спрашивает Костыль.

Бека отвечает что-то невнятное, тычет грязным ногтем в помятый лист.

Я оглядываюсь. Над болотами висит дымка испарений, сквозь которую кое-где торчат черные изломанные стволы засохших деревьев. Видимость сильно ограничена из-за дымки, и кажется, что мы находимся на дне гигантской кастрюли с водой и камышами.

- Строение, – негромко говорит вдруг Бека. – Старый ангар. Рядом навес. И забор. На северо-западе.

Мы дружно поворачиваем головы – и так же дружно чертыхнувшись, лезем за биноклями. Глаза у Беки – как армейские дальномеры. Он утверждает, что приобрел необычайную остроту зрения после того, как впервые попал в Центр, но острота эта у него, только когда на носу очки. Без очков Бека видит как крот, то есть – никак.

Пономарь, отобрав у напарника карту и внимательно изучив обнаруженные строения, пытается найти их на бумаге – и находит. Мало того, наша неуловимая тропа тоже обнаруживается, причем совсем рядом с ангаром.

- Надо идти, – не то сообщает, не то приказывает Костыль. – Время дорого.

Снова: «Хлюп-хлюп-хлюп-хлюп – от шагающих сапог». Едва не теряем направление, выбравшись на полуостровок, выдающийся в небольшое озеро. В камышах кто-то ворочается, шумит сухими стеблями. Стараясь ступать как можно тише, пятимся, выставив оружие. Зверья на болотах много, и тут раньше частенько пропадали люди. Раньше – это не потому, что теперь на болотах стало спокойнее. Просто людей стало меньше.

Наконец, вымазавшись в грязи и промокнув, выходим к ангару. Видимо, когда-то это был гараж или ремонтная мастерская для какой-то крупной техники. Одна из старинных машин ржавым мастодонтом застыла сбоку. Колеса выше человеческого роста напоминают о карьерных самосвалах типа «БелАЗа» или «Катерпилара». Получается, что наша тропа когда-то была полноценной дорогой.

Вообще очень сложно представить, как все тут было до Катаклизма. Кенарь однажды показывал мне старинные гравюры, вынесенные из Центрума на Землю, – наши коллекционеры платят за них бешеные деньги. Была там и картинка Дассо, города на берегу одноименной реки, и поныне протекающей через болота. Мне запомнились низенькие дома, широкие улицы с паровыми экипажами – и множество конусообразных выработок нефтепромыслов, где добывали битуминозную нефть, а точнее, пропитанный битумом песок. Когда «молекулярка» сожрала углеводород, почва просела, и жизнь в здешних местах закончилась.

Остановливаемся в трех десятках шагов от кирпичных столбиков, когда-то державших створки ворот. Наша тропа ведет на север – прямо через ворота. Переть наобум нельзя. Ангар и вся территория вокруг выглядят основательно заброшенными – остов локомотива рядом с нами, какие-то ржавые баки, чугунные трубы, покореженные опоры. Всюду ржавчина. Следов присутствия человека не видно, но это ничего не значит. Начинает накрапывать мелкий дождик.

– Мы с Бекой идем через ворота, вы с Пономарем прикрываете. И чтобы тихо тут! – обращаясь исключительно ко мне, говорит Костыль и мягким, текучим шагом профессионального убийцы идет вперед.

Понимаю – у них в группе все уже давно устаканилось, все роли распределены. Бека всегда впереди, он фартовый. Киваю, опускаю флажок предохранителя автомата. Пономарь вынимает из ствола своего ружья восковой шарик – чтобы мусор не попадал, – показывает мне жестом: «я слева».

Пригибаясь, добираюсь до лежащего на боку скелета вагонетки, осторожно выглядываю – все тихо. Костыль и Бека проходят через несуществующие ворота. Истошный крик вороны заставляет всех вздрогнуть. Оно и понятно – нет ничего хуже, чем лезть в незнакомое место без надлежащей подготовки. По-умному надо было бы залечь вокруг этого ангара и понаблюдать часиков пять-шесть. Но у нас нет времени, поэтому нервы у всех на пределе.

И тут срабатывает «чуйка» – я ясно понимаю, что соваться в ангар нельзя. Палец ложится на спусковой крючок. И вдруг шум камышей режет автоматная очередь. Бека по-фашистски, от пуза, поливает ангар из своего коротыша, отступая к воротам. Костыль хватается за руку и тащит за собой. В то же мгновение и со стороны ангара, и от бетонных труб начинают грохотать выстрелы.

Костыль дает пару экономных, по три патрона, очередей из «хеклер-коха» и меняет позицию. Я вожу стволом автомата, пытаюсь выцелить противника, но мы, судя по всему, нарвались на тертых ребят – никто из них не подставляется, огневые позиции выбраны очень удачно. Если это чужая контра, нам конец. «Вот пуля пролетела – и товарищ мой упал».

Бека и Костыль заваливаются возле левого кирпичного столбика в оплывшую канавку. Слышу, как кто-то из них ругается, ворочаясь в жидкой грязи. Сидеть за вагонеткой бессмысленно, и я по-пластунски ползу к воротам, проклиная про себя болота, Центр и весь сегодняшний день.

Добираюсь до правого столбика. Мокрый красный кирпич, мох, ржавые петли, на которых висели ворота. Ребята лежат в десятке шагов от меня. Пономарь прячется где-то с другой стороны. Неизвестные противники больше не стреляют. Воцаряется звонкая, тревожная тишина. Костыль показывает мне растопыренную пятерню и еще один палец. Это значит, что врагов шестеро. Собственно, по их первому залпу я тоже так подумал.

Пономарь появляется бесшумно, как призрак. Переворачивается на бок, достает флягу, делает глоток, протягивает мне. Качаю головой – солнце припекает, довольно жарко, и выпитая вода тут же выйдет потом.

– Бьют из «калашей», – говорит Пономарь. – Надо уходить.

Я и сам понимаю, что ввязываться в бой с превосходящим численностью и вооружением противником – верх глупости. Но самое главное даже не это. Мы не знаем, кто засел в ангаре и за трубами. Вполне может быть, что произошло банальное недоразумение из числа тех, что частенько случаются в Центруме между разными группами контры. Но может случиться так, что это именно нас тут ждали.

Перекатываюсь левее и шепотом спрашиваю у Беки:

– Ты зачем стрелять начал?

– Он в м-меня ц-целился, – сипло отвечает он.

– Кто?

– Н-не знаю... Ч-человек. Прямо из д-дверей. Темно т-там. П-присел на колени и... С-сука!

Перебираюсь обратно, под защиту столбика. Беку, конечно, понять можно. Он тоже знает, что в Центруме выживает тот, кто стреляет первым. Особенно если противник появляется внезапно и целится в тебя. И особенно если он, этот самый противник, прячется в засаде.

– Отползаем! – задушенно хрипит Костыль. – Вы первые!

Переглядываемся с Пономарем, начинаем разворачиваться. И тут же следует выстрел. Пуля звучно целует кирпич, осыпав меня мелкой бурой крошкой. Похоже, нас не хотят отпускать. Дело – табак.

Бека, извернувшись, как уж, ползет к камышам, и тут с крыши ангара раздается пулеметная очередь...

Звуки выстрелов ПКМ не узнать невозможно. Когда пулемет бьет очередями, раздается гулко-звонкий цокот, слышный далеко окрест. Как будто мамонт, подкованный победитовыми подковами, галопирует по стальной палубе авианосца. Это сравнение не я придумал, а все тот же Жора Полторыпятки.

Лбы уже все в шишках, задница в шипах,

Шкуры изодрали на проклятых пнях.

Но они безумные, их не взять живьем!

Мамонты, мамонты рвутся напролом!

Черт, когда начинается «тяжелая», стихи и песни лезут в башку чаще, чем обычно. Ладно, проехали. Пулеметы ПКМ тут могут быть только у погранцов. Но, по идее, им на болотах делать нечего, они в последнее время вообще никуда с застав не выбираются. Хотя вроде ходили месяц назад слухи о каких-то рейдах и «зачистках». Если так, пограничники могут быть где угодно, в том числе в этом забытом всеми богами ангаре. Это плохо, очень плохо. В погранцы идут, как правило, бывшие военные, народ серьезный. Любое вооруженное сопротивление

для них – вопиющее нарушение закона, за которое есть только одна кара. Наше положение осложняется тем, что Бека начал стрелять первым. Впрочем, у меня с пограничниками терок никогда не было, я же не контра. Можно попытаться договориться.

Новая очередь заставляет вжаться в землю. Пули с сочным чавканьем вонзаются в глину в нескольких сантиметрах от левой руки. Все, промедление смерти подобно, причем в буквальном смысле. Переворачиваюсь на бок, складываю ладони ковшом. Краем глаза вижу Костыля, отчаянно машущего руками – мол, не надо, «не делай этого, Дадли!».

Но у меня своя голова на плечах. И эта голова в любой момент может быть пробита навывлет пулей калибра 7,62. Подношу ладони к губам и как можно четче ору:

– Прекратите огонь! Здесь Гонец! Здесь Гонец! Прекратите огонь!

Пулемет гавкает еще пару раз – и затывается. Секунды ползут, как дождевые черви. Наконец из гулкой пустоты ангара раздается рассерженный голос:

– Твою мать! Гонец, кто с тобой?

– Пономарь, Бека, Костыль.

– Стволы на землю, – приказывает невидимый собеседник. – Выходите на центр с поднятыми руками! Быстро!

Ору в ответ:

– Поняли! Не стреляйте!

Оставляю автомат у столбика и медленно, без резких движений, поднимаюсь. Бешено колотится сердце – если я ошибся, жизнь моя закончится вот прямо сейчас. Но стволы тех, кто засел в ангаре, молчат.

– Дурак, ой, дурак! – шипит мне в спину Пономарь. – Место глухое. Положат всех – свидетелей-то нет.

На подгибающихся ногах иду к трубам, высоко подняв руки. В голову лезет всякая ерунда, уже даже не стихи, а просто обрывки фраз. Откуда-то из глубин памяти всплывают кадры из старой советской комедии «Джентльмены удачи» – Василий Алибабаевич кричит подбегающим милиционерам: «Сдаемсу, сдаемсу-у».

И смех, и грех.

В дверном проеме ангара появляется человеческий силуэт с автоматом.

– Гонец, ты?

– Он самый.

– Где остальные?

– А ты кто?

Человек выходит из сумрака, царящего в ангаре. Он в выгоревшей «афганке», на голове каска.

– Капитан Шубин, корпус Пограничной Охраны. Где остальные?

– З-здесь, з-здесь мы, – слышится у меня за спиной дрожащий голос Беки.

Из-за труб поднимаются люди в камуфляже с эмблемами погранохраны и нашивками тридцать пятой заставы. Ого, далеко же их занесло!

Опускаю руки, шарю по карманам в поисках сигарет. Пальцы не слушаются. Капитана Шубина я знаю. Он – один из «нормальных», вменяемых погранцов, тех, что живут сами и дают жить другим. В то же время это он и его ребята уничтожили группу Тестя. Судя по всему, нам дико повезло. Повезло, что нас не пришили в первые же секунды.

Шубин подходит ближе, вглядывается в наши лица.

– Пономарь, Костыль... Бека, это ты стрелял?

– Я п-подумал...

– А-а-а, так ты у нас мыслитель?! – Видно, что Шубин здорово на взводе из-за этой нашей маленькой войнушки. – Философ Демосфен?

Бека виновато втягивает голову в плечи. Шубин с искаженным лицом шагает к нему, заносит руку, но вовремя останавливается – уж больно жалко выглядит Бека, грязный, худой, очкастый...

– Козлы вы, – сообщает нам капитан сквозь зубы. – Всю операцию нам сорвали.

– Кого ждали-то? – спрашиваю максимально миролюбивым тоном.

Шубин смотрит на меня, но с ответом не торопится. К нему подходит высокий погранец – в руках автомат, за спиной «плетка».

– Командир, Томас пришел. Их нашли. Началось.

– Валите отсюда, быстро! – поворачиваясь, бросает нам Шубин. – И на запад не суйтесь.

Я наконец-то нахожу сигареты, прикуриваю, с наслаждением затягиваюсь.

– Спасибо, капитан.

– Сочтемся, Гонец.

* * *

Идти по тропе намного приятнее, чем через камыши и топи. Пономарь что-то зло выговаривает Беке. Тот молчит, грызет свое печенье. Я иду третьим и время от времени смотрю на карту. Если погранслужба проводит здесь какую-то операцию, есть риск нарваться на неприятности в любой момент.

Костыль, замыкающий в нашем маленьком отряде, время от времени оборачивается, словно ожидая погони. Но я верю капитану Шубину. Он отпустил нас и преследовать не станет. Люди, подобные ему, никогда не меняют своих решений – тем и живы.

– Стоп! – командует Костыль.

Мы застываем на месте, озираемся, приготовив оружие. Вроде все тихо.

– Что там? – интересуется Пономарь.

– Ловушка. Растяжка, – сообщает Костыль. – На два часа слева, шагах в семи.

Семь шагов – это плохо. Наш фартовый головной проспал, не заметил тонкий блестящий тросик издали, и мы влопались, попав в зону действия растяжки. Я уже встречался с такой хренью. Тросик тут так, для блезиру. Ты его перешагиваешь, думая, что все уже позади, наступаешь на замаскированную пластину, под которой мина нажимного действия, – и все, капец котенку. Основной заряд сработает, изломает кости и разорвет в клочья.

Медленно делаю шаг в сторону. Бека и Пономарь пятятся, стараясь не делать лишних движений. Со стороны мы, наверное, похожи на идиотов – четверо взрослых мужиков, растопырив руки, бочком-бочком уходят с натоптанной тропы в камыши и лужи. Но нам глубоко плевать на то, как мы сейчас выглядим, – жизнь дороже. «Есть только миг между прошлым и будущим». По колена в грязи.

Выбравшись на тропу, переглядываемся.

– Хреново все, – выражает общее мнение Пономарь. – Не фартит.

Мы молчим. Где-то далеко на западе щелкает одиночный выстрел.

Я вспоминаю утро сегодняшнего дня и думаю: «Надо было все же уходить одному...»

* * *

Ткань давно промокших кроссовок задубела и трет кожу на ногах, точно рашпиль. Надо сделать привал, просушить обувь, перекусить, да и вообще отдохнуть – денек выдался еще тот, но солнце уже клонится к горизонту, а до Азума, судя по карте, никак не меньше трех часов пути.

Идем молча – все устали, проголодались, и разговаривать никого не тянет. Украдкой посматриваю на Костыля и гадаю: на кой ляд я ему сдался? Если бы он хотел отомстить за то старое дельце, то мог бы пришить меня еще на кладбище. Вряд ли Пономарь и Бека сумели бы сделать что-то, они, как я понимаю, вообще находятся в зависимости от Костыля – то ли подрядились к нему, то ли долг отрабатывают.

У контры не принято задавать лишних вопросов, каждый знает ровно столько, сколько ему нужно знать. Старик Екклесиаст писал свои откровения про многие знания и печаль словно специально для контрабандистов в Центруме. Любопытные тут долго не живут.

Но это все лирика, «мысли на маршруте», как я это называю, а на повестке данного конкретного момента стоит следующее: мне необходимо отрываться от этих гавриков, причем прямо сейчас. Навести троицу контры на группу, которая дожидается меня, нельзя ни в коем случае, это равносильно провалу контракта. Добром Костыль меня не отпустит – зачем-то я ему нужен. Значит, нужно идти в отрыв. Выбрать подходящее местечко – и...

«Подходяще местечко» подворачивается через полчаса – тропа уходит в густые заросли на краю заросшего тростником озера. Кусты узколиста, чернотала и прочая зелено-бурая дурнина стоит стеной, тропа узкая, идти по ней можно только гуськом, причем каждый будет видеть только спину впереди идущего. Жарко, в воздухе вьются черные мухи, лезут в нос, в глаза, в уши. Но мухи – это терпимо.

Полторыпятки прав, когда традиционно поднимает пятый тост за то, что в Центруме нет комаров, только москиты по осени, недолго. Раньше, когда он ходил – и в Центрум, и вообще ходил нормально, – болота были его локацией, у него тут два или три Портала открывалось. Я вот на болоте ничего не могу, да и мало кто может, а Полторыпятки мог. Поговаривают, что он до сих пор

открывает проходы сюда, за отдельную и немалую плату, понятное дело.

Черт, я опять отвлекся. Заросли уже совсем близко. Никакого внятного плана действий у меня нет – придется действовать по обстановке. «Я бегу, бегу, бегу по гаревой дорожке. Мне есть нельзя, мне пить нельзя, мне спать нельзя ни крошки».

– Бека, Гонец, я, Пономарь, – определяет походный порядок Костыль. Он хитрый и опытный, но ничего, я тоже не пальцем делан. Поиграем в «камазовский ручник».

Едва наша маленькая группа втягивается в заросли и Бека уходит вперед, как я останавливаюсь и опускаюсь на одно колено. Костыль недовольно сопит за спиной.

– Что?

– Шнурок.

– Бека! – негромко кричит Пономарь. – Стой на месте. Мы сейчас.

– Ага.

Ковыряюсь со шнурком – развязал, завязал. По сторонам – плотная стена кустов. Местами ветки смыкаются над тропой. Костыль не видит, что я делаю, цедит сквозь зубы:

– Быстрее давай!

– Сейчас, сейчас...

Завязываю двойной узел, резко выпрямляюсь, срываюсь с места.

– Бека, я к тебе!

Все выглядит вполне естественно – замешкался человек и теперь хочет догнать впереди идущего. Костыль за мной не побежит, уверенный, что возле Беки я остановлюсь, но у меня другие намерения. Пробежав несколько метров, наклоняю голову, резко сворачиваю и бросаюсь в заросли, прижав руки к груди. Ветки хлещут по лицу, цепляются за одежду, но это ерунда, сейчас главное – оторваться. Под ногами с треском лопаются трухлявый ствол узколиста, чавкает грязь. Я ломлюсь, как лось через осинник, далеко выбрасывая ноги. Позади слышны встревоженные голоса, но шум веток заглушает слова.

Продравшись сквозь заросли на два десятка шагов, меняю направление и снова бегу. Пару раз приходится останавливаться, чтобы бросить взгляд на солнце – не хватало еще заплутать в этих джунглях.

Появляются лужицы, потом вода поднимается, кусты торчат из нее, как мангровые деревья.

– Бека, Пономарь! – слышу я злой голос Костыля. – Разошлись! Ищите его! Он мне нужен, желательно живой. Давайте, ну!

Трещат ветки, чавкает под подошвами кроссовок грязь. Кусты кончаются, я уже на берегу. Пячусь, спиной уходя в тростники. Они шумят так, что услышит даже глухой. На мое счастье, налетает ветер. Вода поднимается до колен, потом – до пояса. Если в озере живет гигатейя, мне конец – эти твари очень чутко реагируют на колебания воды.

Стараясь не думать о гигантской змее, поворачиваю и иду в противоположную от заката сторону. Вроде оторвался. Мне нужно обойти заросли, выйти на более-менее твердую землю и брать руки в ноги, чтобы до темноты успеть в Азум.

Над болотами, в той стороне, где остались мои несостоявшиеся попутчики, раздается отрывистый крик грифа. Не знаю, похожа ли эта птица на свой земной аналог, здешний гриф величиной с индейку, имеет длинный мощный клюв и серое оперение. Прозвище свое он оправдывает из-за привычки жрать падаль. Голос у грифа мерзкий, громкий, и он всегда орет, когда рядом появляется человек. Это мне на руку – гриф теперь не успокоится, так и будет кружить над Костылем и остальными, сигнализируя об их перемещениях.

Останавливаюсь, прислушиваюсь – погони вроде не слышно. Монотонный шум тростника, привычный уже на болотах гул – вот и все, что я слышу. Ну и слава сурганской Великой Матери.

Спустя пару часов выматывающего марша по грязи выбираюсь на тропу, ведущую на северо-восток. Судя по Бекиной карте, оставшейся у меня, Азум совсем рядом. Я и без карты нормально ориентируюсь на болотах, но когда твои умозаключения подкрепляются материальным носителем, это действует ободряюще. То, что мне пришлось совершить изрядный крюк, в общем-то не расстраивает – я успеваю к сроку, а все остальное не важно.

Хотите ли, не хотите ли,

Но дело, товарищи, в том,

Что прежде всего мы родители,

А все остальное потом.

Группа должна ждать меня в Библиотеке – так мы называем развалины двухэтажного здания на окраине поселка. В результате подвижек почвы одно крыло его рухнуло, крыша просела, полопались и осыпались стекла, но часть постройки уцелела. В Библиотеке сухо, есть возможность наблюдать за местностью, а расположение здания позволяет в случае чего незаметно уйти в тростники.

Азум предстает передо мной – мертвый, молчаливый, даже загадочный. Строения с темными провалами окон похожи на многоглазые черепа гигантских доисторических животных с других планет, неизвестно зачем собранных вместе. Кое-где на уцелевших крышах зеленеют кустики узколиста и болотная трава. Западную часть поселка заливают туман, красноватый в лучах закатного солнца. Из него поднимаются покосившиеся остовы конструкций старого нефтеперерабатывающего завода. Тишина. Это хорошо.

Костыль мог не тратить времени на мои поиски и привести Пономаря и Беку прямо сюда, чтобы устроить засаду, но Азум большой, и угадать с местом сложно. Конечно, всегда можно надеяться на случай, друг изобретателей, или на русский авось, но за годы работы в Центруме я привык к тому, что авось тут не работает. Только четкий и строгий расчет, только голая математика. Пришел, увидел, выполнил контракт.

Понаблюдав за развалинами около часа, начинаю движение в сторону Библиотеки. Это название постройка получила за огромное количество стеллажей внутри, ими там заставлены все помещения. Стеллажи, насколько я знаю, всегда были пустыми, и черт его знает, что лежало раньше на их полках, но кто-то первым ляпнул: «Библиотека» – и прижилось.

Когда до цели моего похода остается метров сорок, приходится свернуть, чтобы обойти небольшую впадину, заполненную водой. На ее краю растет парочка местных тополей, больших деревьев с гладкой зеленой корой. Выхожу на полянку, обрамленную бурьяном, останавливаюсь, хватаюсь за автомат. Непроизвольно с языка слетает:

– Твою мать!

Бека лежит лицом в луже, рядом на мокрой траве поблескивают очки. Вся спина его разворочена, как будто наш «везунчик» попал под лодочный винт во время купания.

Пономарь дергается шагах в пяти от него, возле тополя. Он хрипит и выгибается дугой, грязные сапоги месят грязь. Я падаю рядом с ним на колени, хватаю Пономаря за плечи, поднимаю, кричу в залитое кровью лицо:

– Кто? Костыль? Костыль, да?

– Не-ет... – вместе с кровавыми брызгами выдыхает Пономарь. – Спецу-у... У-уходи, Го...

Его скручивает судорога, глаза стекленеют. Это агония, Пономарь умер. Я поднимаюсь на ноги, оглядываюсь. «Спецу-у...» – это, видимо, «спецуха», спецподразделение погранцов из Особого отдела, других в здешних краях не бывает. В принципе почерк похож, все знают, что «спецуха» действует жестко и даже жестоко. Но в том-то и дело, что все знают – и подстроиться под погранцов может любой отморозок.

Но даже не это главное. Зачем «спецухе» убивать безобидных контров? Что за операция тут у погранцов? Куда делся Костыль? Может, он заодно со «спецухой», вел нас к ним в лапы? Да нет, исключено. Во-первых, на Костыле

такое висит – его при случае вальнут на месте не спросясь, а во-вторых, с какого перепугу Особому отделу сдались безобидный диабетик Бека и Пономарь с его ревматизмом? И главное: если предположить, что «спецухе» нужен был я – зачем они вмешались тогда, когда я ушел?

Вопросы, одни вопросы. Что вообще происходит на этих гребаных болотах?

Так, все, хорош истерить. Нужно закончить маршрут, выполнить контракт – и сваливать на Землю. А потом в отпуск. Причем желательно месяца на два. «А коньячок под шашлычок вкусно очень, и я готов расцеловать город Сочи».

Оставив Пономаря, срываюсь с места и бегу к Библиотеке. Звуков боя я не слышал, стало быть, Беку и Пономаря уработали или холодным оружием, или из стволов с глушаками. Значит, те, кто меня ждет, тоже не в курсе, что тут произошло. И им нужно поскорее убираться отсюда. Всем нужно убираться. Не зря я все же не люблю болота...

* * *

– Не ходи туда! – Голос Костыля звучит негромко, сдавленно, но мне он кажется громopodobным. Останавливаюсь, выставив автомат. Так и есть – Костыль. Сидит на траве возле второго тополя, весь мокрый и грязный. «Хеклер-кох» прислонен к стволу. Лицо бледное, но губы сжаты, взгляд внимательный и оценивающий.

Я щелкаю флажком предохранителя.

– Не дури, – говорит Костыль. – Я их не убивал.

– Тогда почему ты жив?

– Так карта легла. Я пришел, когда все закончилось.

– Почему не помог Пономарю?

– Как? Он же не загнанная лошадь. Ты вот тоже не помог.

Вздыхаю – он прав, Пономаря не спас бы даже взвод военных хирургов с реанимационным автомобилем в придачу.

– Костыль, давай начистоту – что за херня тут творится? Кто их убил?

Костыль кривит губы в усмешке, потирает живот, потом говорит:

– Люди Фирцевальда Карма.

Я невольно вздрагиваю. Вот, значит, оно как...

Фирцевальд Карм – начальник «Вайбера», военной разведки Сургана. Он – человек с репутацией, которой позавидовал бы полковник Иссер Харель, урожденный Гальперин, легендарный директор МОССАД, автор фразы: «Из всех людей моих голубых глаз не боятся только дети и собаки».

Думаю, глаз Карма боятся даже голуби.

Тем не менее продолжаю спрашивать:

– А ты?

– Я опоздал. На гигатею нарвался. Там. – Он кивает в сторону зарослей.

– И?..

– Она подавилась, – усмехается Костыль. – Ребра, правда, помяла. Помоги встать.

Что-то внутри меня отчаянно протестует, но я все же делаю шаг, протягиваю руку. Костыль поднимается на ноги, морщится. Я смотрю ему в глаза, спрашиваю:

– А куда делись эти... из «Вайбера»?

– Ушли. Сделали свое дело – и ушли.

Я неожиданно начинаю психовать:

- Так, короче: или ты рассказываешь, что тут случилось, или...

- Что «или»?

- Или я тебя убью.

- Ты не убийца, - качает головой Костыль, натывается на мой взбешенный взгляд и кивает. - Хорошо. Будет большая война. Сурган...

- Так про это уже лет пять слухи ходят, - разочарованно перебиваю я. - Тоже мне тайна мадридского двора!

- Дослушай, - терпеливо говорит Костыль. - Так вот: будет большая война. Сурган уже практически готов к ней. Но на всякую силу всегда найдется равноценная сила, это закон...

- Ньютона?

- Жизни. Чтобы остановить Сурган, нужно, чтобы то, что несла группа, к которой ты шел, дошло до получателя.

- Несла?

- Да, группа тоже уничтожена бойцами «Вайбера».

- А при чем тут Бека, Пономарь, ты, я, наконец?

- Я - твоя страховка, Гонец, - тихо произносит Костыль. - Я должен был обеспечить твоё прикрытие. А Бека с Пономарем отводили глаза - типа мы обычные контрабандисты.

Мне ничего не остается, как спросить:

- На кого ты работаешь?

– Пей пиво, Вася. – Костыль отворачивается. Было понятно, что не скажет, но я не мог не попробовать.

– И что мы делаем дальше? – спрашиваю больше для того, чтобы хоть что-то сказать. В башке все перемешалось, и на фоне этой мешанины неоновом светится одна короткая мысль: «На фига я в это влез?!»

– Я уже сказал: мне нужно, чтобы посылка дошла до адресата.

– Так сурганцы...

– Посылка у меня.

Я замираю, смотрю, как Костыль с кряхтением закидывает винтовку за спину. Вечер, и без того фееричный до безобразия, окончательно перестает быть томным.

– И?..

– Гонец, ты меня разочаровываешь. – Костыль смотрит на меня в упор. – Их контракт провален, твой – «на грани нервного срыва». Но если ты выполнишь за покойников их работу...

Я всегда неплохо считал в уме, и сейчас цифирьки в голове быстренько складываются в красивое число с пятью нулями в валюте государства, которое российские военные называют «вероятным противником». Ч-черт, заманчиво!

– Где посылка? – будничным тоном спрашиваю я.

Костыль расстегивает камуфляжку и демонстрирует висящий на цепочке довольно толстый пакет формата А5, наглухо залитый воском.

– Это все?

– Нет. Вон, в кустах.

В зарослях узколиста обнаруживаю узкий кофр или, скорее, контейнер полутораметровой длины из выкрашенного в защитный цвет металла.

- Что там?

- Открой.

Любознательство сгубило кошку – открываю. Вижу какую-то трубу, обернутую промасленной бумагой.

- И?..

- Это РПГ-2. Снаряженный.

Опа! Непроизвольно отдергиваю руки, прячу их за спиной.

- Что это за зверь?

- Ты правильно все понял. Это ручной противотанковый гранатомет образца 1949 года. Или, говоря шершавым языком военных справочников: «динамореактивная многоразовая система с выстрелом активного типа». А по-простому – гениальный отпрыск сумрачного арийского чудовища по имени «панцерфауст». Оружие словно специально придумано для Центрума: стальная цельнокатаная труба с деревянными накладками, чтобы не обжечься, курковый механизм на пистолетной рукоятке, а в стволе – граната ПГ-2: кумулятивная боевая часть, бумажная гильза с дымным порохом, донный взрыватель и стабилизатор с шестью металлическими гибкими перьями, которые разворачиваются после выхода гранаты из пусковой трубы. Лупит на сто пятьдесят метров. Пробивает двухсотмиллиметровую броню. И ни одной пластмассовой детали! Эта штукавина очень успешно применялась вьетнамцами против американской техники. РПГ-2 до сих пор стоит на вооружении целого ряда стран.

Выдав такую длинную и нехарактерную для него тираду, Костыль умолкает и смотрит на меня с большим интересом. Понятно, значит, мяч на моей стороне.

В голове начинает складываться пазл: Сурган готовится к войне, изготавливая танки, – это всем известно. Некто организывает переброску в Центр ум гипотетическим противникам Сургана образца оружия, способного жечь эти танки, как копны сена на лугу. Наладить выпуск такого простого и эффективного оружия несложно, недаром абсолютно все подобные виды вооружения внесены погранохраной в «Список номер один» и запрещены к перемещению в Центр под страхом расстрела на месте.

– Сурганцев ждет сюрприз, – бормочу я под нос, лихорадочно соображая, как выпутаться из этой ситуации.

– Итак? – Костыль сует руки в карманы. Что-то подсказывает мне, что там у него отнюдь не семечки.

– Костыль, но это же пуля – если поймают...

– Еще раз: если ты выполнишь контракт за погибшую группу...

Он смотрит на меня, и теперь в его взгляде отчетливо читается презрение.

– Стоп! – Я облегченно улыбаюсь, несмотря на напряженную ситуацию. – О том, как прочесть послание и куда двигаться дальше, знал только старший группы. А он, ты говоришь, убит. Мы не знаем...

– Не бздень, Гонец. – Костыль тоже выдавливает улыбку, снимает с шеи пакет с документами, кладет в контейнер, защелкивает замки. – Я знаю, куда и кому доставить посылку. Хватай контейнер – и вперед.

Глава пятая

Над столицей Великого Сургана, славным городом Танголом, стояла глубокая ночь, нарушаемая лишь гудками маневровых паровозов на станции и тяжелыми вздохами доменных печей, доносящихся из-за Старого Королевского леса. Никакого леса в обширной впадине, полукольцом огибающей город, на самом деле давно уже не было. Его вырубili на дрова еще в первые годы после

Катаклизма, но плотно застроенная рабочими общежитиями и заводскими конторами местность носила историческое название, о котором напоминала одинокая каменная башня, когда-то служившая убежищем для высокородных охотников и их свиты.

Высотой в пять десятков локтей, квадратная, приземистая башня стояла в самой чаще, и ее изъеденные временем, обросшие лишайниками стены не раз давали приют продрогшим и усталым королям Сургана. Когда от Старого Королевского леса не осталось и следа, а башня стала мешать прокладке подъездных путей к металлургическому заводу, ее решили взорвать, но несколько мешков пороха не смогли разрушить древнюю постройку. Тогда в башне устроили склад угля, а на верхней площадке, когда-то возвышавшейся над верхушками деревьев, теперь днем находился наблюдатель пожарной стражи Сил Внутренней Обороны.

Башня потерялась на фоне дымящих труб, массивных конструкций домен и ректификационных крекинговых колонн нового химического завода, производившего топливный спирт. Потемневшие от времени барельефы с ликами монархов из давно сгинувших династий ныне уныло смотрели на толпы одинаково одетых простолудинов, что каждые двенадцать часов выходили из заводских ворот, над которыми красовались отлитые в металле цитаты из «Книги Отчего Края»: «Работа есть высшая доблесть», «В труде обретешь ты счастье свое» и «Наше оружие – молот!».

Если бы барельефы умели говорить, они скорее всего осудили бы превращение некогда аграрной страны, тихого Сурганского королевства, где пейзажи обрабатывали свои наделы и пасли скот на выгонах у подножия замков аристократов, в дымящую сотнями, а то и тысячами труб промышленную область, пожирающую гигантские объемы руды, угля, древесины и других ресурсов. В недрах доменных печей, в мартенах, в кузнечных цехах и на сборочных конвейерах все это превращалось в броневые листы и дизельные двигатели, в пушки, танки, снаряды, винтовки, паровые машины, локомобили и строительную технику.

Но барельефы молчали. Часы на здании заводоуправления пробили полночь. Гудки истошным воем возвестили о начале очередной смены. Поток рабочих выплеснулся на улицы, заполнил их от края до края и так же быстро схлынул. Окрестности старой башни погрузились в тишину. Ночной мрак рассеивали два масляных фонаря, но их трепещущий желтоватый свет, казалось, лишь

подчеркивал темноту.

Тишину нарушил мерный рокот работающей паровой машины. Вскоре в боковом проезде появился небольшой локомотив с зашторенными окнами пассажирской кабины. Облаченный в кожаный комбинезон и шлем водитель, сидящий впереди, дернул ручку тормоза, открыл клапан и стравил пар из ходового цилиндра. Локомотив остановился, осев на подрессоренные колеса. Распахнулась дверца, двое высоких мужчин в темной одежде, сжимающие в руках автоматические винтовки, встали по краям экипажа, огляделись, и один из них негромко сказал:

– Все чисто!

Из локомотива вышел еще один человек, одетый в простой офицерский мундир, черный плащ-крылатку и маску, закрывающую лицо так, что было видно только глаза. Едва заметно кивнув, он проследовал к дверям башни и трижды ударил в них массивным стальным перстнем, надетым на указательный палец поверх перчатки. Одна створка приоткрылась, на брусчатку упал луч света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/volkov_serгей/renegaty

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)